
ОБРАЗЫ ПРАВА В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ

М. Арутюнян; О. Здравомыслова Ш. Курильски-Ожвэн;

С начала крупных социальных и политических изменений, которые переживает Россия, построение правового государства является главной задачей, хотя велико число тех, кто высказывает сомнение в возможности достижения этой цели. Тем не менее очевидно, что в быстро меняющейся политической атмосфере России создаются новые правовые институты и акты для оформления новой структуры социальной жизни.

В то же время один элемент остается не до конца ясным: какое значение будут придавать люди, привыкшие к другому типу общества, праву и верховенству Закона, которые провозглашаются как основной принцип?

Что касается Франции, то несмотря на некоторые авторитарные периоды в ее послереволюционной истории, развитие демократии постепенно приучило правительство и население к признанию верховенства Закона и его роли регулятора социальной жизни. Эта роль намного более многогранна, чем простое "уважение к Закону", характерное для социальных представлений людей, живущих в разных странах. Она означает, по нашему мнению, что каким бы ни было поведение людей по отношению к Закону, он является для них общей точкой отсчета; и не только потому что Закон определяет для всех, как правительства, так и населения, ситуации и правила их регулирования, и таким образом, определяет общие правила игры, но и на уровне еще более глубоком, потому что, связывая с тем или другим типом поведения благоприятные или неблагоприятные последствия, указывая, что он допускает или не допускает, Закон тем самым делает из этих типов поведения положительные или отрицательные образцы.

Каков сейчас в России социальный статус Закона и Права, какие индивидуальные представления о Законе и Праве формируют менталитет становящейся демократии? Какие следы оставила в этом менталитете советская юридическая система, которая давала приоритет политическим соображениям, или дореволюционная русская традиция, которая ставила мораль выше права, и которая была воспринята советской системой (1).

Опросы общественного мнения по поводу права и политических институтов, проведенные социологами права и политологами среди взрослых, дают ответы о состоянии мнений во время "Т". Их объяснительные возможности ограничены, поскольку это состояние мнений лишь результат процесса конструирования менталитета, основная часть которого уходит корнями в более ранний период жизни. В то же время, исследования так называемой "правовой социализации", то есть формирования в период детства и отрочества устойчивых индивидуальных систем представлений и установок по отношению к праву, позволяют дать более глубокие ответы.

*М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции*

Известно, что исследования социализации индивидов, не достигших взрослого возраста, доказывают значение представлений о мире, сформированных в детстве и отрочестве. Наполненные аффективным содержанием, которое подкрепляет когнитивное познание, эти первые представления составляют тканевую основу более поздних представлений. Они, конечно, дополняются и претерпят изменения по мере взросления человека, но никогда не исчезнут полностью.

Часть феномена социализации, правовая социализация, подчиняется описанному правилу. Приступая к исследованию этих феноменов, мы можем, наконец, лучше понять место, которое заняло право в воображении индивидов в период их детства и отрочества, наблюдать, как формируется то, что мы называем "образом права". Это поможет, таким образом, прояснить полученные в ходе опросов ответы взрослых, и степень знания ими права, того права, посредством которого правительства желают влиять на поведение людей. Устойчивость представлений, которые организовались вокруг ранних образов, объясняет, например, почему, когда взрослых спрашивают о действующих законах (особенно предлагая примеры из области права, столь эмоционально окрашенной как семейное или уголовное право) они часто думают, что правила, содержание которых затронуло их непосредственно или косвенно - через чьи-то рассказы и свидетельства - еще в силе.

В дальнейшем мы увидим, что результаты наших исследований по поводу представлений о праве не ограничиваются лишь тем, чтобы описать то, что индивиды знают или чувствуют по поводу права в тот или иной период их детства и отрочества. Ответы наших респондентов являются также драгоценным источником информации о том, как они ощущают состояние общества, в котором живут, о ценностях, которые их культура соотносит с различными видами повседневной жизнедеятельности, и наконец, о том, что думают об этом сами опрошенные нами школьники разного пола и возраста, выросшие в принадлежащих к разным социальным группам семьях.

В книге использованы результаты сравнительного исследования, проведенного в Москве и в Париже в первой половине 1993 года по единой методике, на базе двух однородных групп школьников, включавших по 180 подростков в возрасте от 11 до 18 лет - учеников шестых, восьмых, десятых и одиннадцатых классов. Ограниченному размеру выборки соответствует и выбор нами качественных методов, которые делают необходимым глубокий анализ открытых ответов. В то же время этот объем вполне достаточен, чтобы представить все разнообразие тенденций, характеризующих ответы в обеих странах.

Разработанные французским автором книги концепция и методика исследования были ранее использованы в аналогичном исследовании, осуществленном во Франции и в Польше в 1987 году.

Данное исследование находится на пересечении исследований социализации, с одной стороны, и исследований установок по отношению к праву и правовой социализации, с другой стороны, относительно которых мы определяем и наш собственный подход. Особенностью исследования, на которую мы хотели бы обратить особое внимание, является то, что оно носит не только сравнительный, но междисциплинарный характер, будучи выполненным и описанным юристом (Шанталь Курильски-Ожвэн), психологом (Мариной

Арутюнян) и социологом (Ольгой Здравомысловой). При этом все мы, по сути дела, исследовали и описывали культурные модели, в рамках которых формируются социальные представления и осуществляется правовая социализация.

I. Сравнительное исследование образов права в России и во Франции: цель и методы

Поскольку система значений, созданная в языке, представляет собой важнейший элемент правовой социализации, мы использовали двойной метод, основанный на употреблении языка или - если говорить более точно - на анализе ассоциаций, связанных с некоторым набором слов, которые мы выбрали для того, чтобы исследовать представления о праве, или образы права в двух культурах. Известно, что свободные ассоциации, первоначально использованные в психоанализе, а потом широко применяемые в психологических исследованиях - один из способов выявления образов.

Первый метод - метод спонтанных ассоциаций, которые респонденты должны были сформулировать в течение одной минуты - используется в отношении каждого из терминов (так называемых ключевых слов), перечень которых сами исследователи предложили французским и русским школьникам. Эти термины были выбраны исходя из того, что они широко используются в современном языке и, одновременно, принадлежат юридическому словарю. Это термины трех типов. Первый тип включает, согласно нашей концепции, понятия из сферы "сознательной" правовой социализации, потому что употребляющий их человек не может не знать, что они относятся к области права (такие понятия, как право, закон, преступление, судья или суд). Ко второму типу относятся понятия, более или менее явно связанные с правом, поскольку они принадлежат одновременно праву и политической жизни (такие как государство, мэр, гражданин, милиционер, администрация или налоги). Наконец, к третьему типу относятся термины, настолько часто используемые в повседневной жизни, что они скорее характеризуют именно то, что мы называем "имплицитной, или неосознанной правовой социализацией" (такие, как семья, собственность, ответственность, свобода, равенство или вина), хотя они, в свою очередь, давно интегрированы в право. Метод свободных, или спонтанных ассоциаций позволяет нам наблюдать, в какой мере субъекты спонтанно приписывают юридическое или отчасти юридическое значение этим терминам - особенно третьему типу терминов. Речь, конечно, не идет о выяснении того, дает ли респондент юридически правильное определение понятий, которые ему предложены, но о том, чтобы оценить, являются ли ответы, очевидно неюридическими, содержат ли они некоторые юридические оттенки, или они являются амбивалентными, то есть могут иметь и юридическое и неюридическое значения.

Второй метод, метод выборочных ассоциаций, позволяет сделать другой тип наблюдений. Он состоит, прежде всего, в выборе из списка ключевых слов двадцати понятий, по критерию их принадлежности к юридическим понятиям, наиболее часто встречающимся в языке. Речь идет о словах, характеризующих личность (гражданин, быть совершеннолетним), институты (государство, администрация), фигуры власти (судья, милиционер, мэр, ад-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

вокат), или юридические понятия, широко используемые в обыденной жизни (семья, развод, договор, собственность). Респондентам было предложено связать каждый из этих двадцати терминов, расположенных в таблице по вертикали, с одним, несколькими или всеми десятью понятиями, расположенными по горизонтали.

Три из этих десяти понятий обозначали ценности и институты правовой системы: право, закон, справедливость. Выборочные ассоциации, представленные в анкетах, позволяют нам констатировать, связывают ли респонденты ключевые слова с правовой системой, принимают ли они вмешательство закона, права или юстиции в соответствующую область обыденной жизни. В таком случае, существует ли в области жизни, обозначенной ключевым словом (например, договор или семья) эксплицитная, или сознательная правовая социализация.

Семь остальных понятий, расположенных по горизонтали, обозначают ценности: безопасность, авторитет, дисциплина, ответственность, свобода, равенство, солидарность. Выборочные ассоциации того или иного ключевого слова с одной или несколькими из этих ценностей позволяют нам наблюдать, как отдельные виды деятельности, личности или институты, обозначенные ключевыми словами, оцениваются в воображении респондента, обусловленном либо культурой, свойственной всему обществу, либо культурой, обусловленной полом, возрастом, или социальной средой респондента.

В том, что касается пола и социальной среды, мы исходили из того, что представления о видах деятельности, регулируемых правом, в большой степени подвержены влиянию типа воспитания. Известно, до какой степени обучение тендерным ролям и ценностям, связанным с этими ролями, может варьироваться в зависимости от социальной среды. Для социологии (2) социальный класс является наиболее сильным фактором, влияющим на различия в социализации, а пол и возраст образуют специфические характеристики внутри социального класса. Напротив, с позиции антропологического подхода фундаментальные различия в социализации обуславливаются пол в соответствии с предписанными тендерными ролями и типами воспитания. Наконец, в некоторых психологических исследованиях (3), психологическое и моральное развитие рассматриваются как весьма различные в зависимости от пола. Так, для женской психологии центральными являлись бы ценность продолжительности отношений и мораль ответственности, мужская же психология, напротив, была бы более ориентирована на независимость (первоначально приобретаемую в отношении матери) и функционировала бы в соответствии с моралью жесткого разграничения индивидуальных прав.

Исследование правовой социализации, подобное исследованию 1993 года и проходившее во Франции в 1987 году, обнаружило специфическое влияние пола на ответы, касающиеся ряда ключевых слов (таких, как семья, свобода и равенство, то есть понятий, наиболее значимых для тендерных ролей), а также влияние пола на понимание других ключевых слов (обнаружилась важность структур для мальчиков и, напротив, личностей для девочек) (4). Как мы покажем в дальнейшем, результаты французских ответов на анкету 1993 года обнаружили определенное стирание различий, связанных с полом респондентов. Так, во Франции в некоторых случаях оказывается, что мальчики стали более "эмоциональны", а девочки - более "политизированы". В то

же время тендерная дифференциация в России 1993 года, как показало наше исследование, оказывается еще более сильной, чем во Франции в 1987 году.

Различия, связанные с социальным происхождением, обнаруженные в исследовании 1987 года, во Франции были достаточно очевидны. В частности, наиболее высокая степень абстрактных правовых знаний была свойственна респондентам - выходцам из социальных групп, которые мы определяем как "привилегированные" (в них входят специалисты интеллектуальных профессий, и руководители). Им же была свойственна и большая уверенность в себе, выразившаяся в высокой доле ответов, содержащих оценки, особенно критические в отношении власти, закона и судебных учреждений. С другой стороны, ответы респондентов-выходцев из среды рабочих характеризовались большим практическим знанием права (это касается, например, слов Договор и Ссуда). Они делали сильный акцент на законе, стремились подчеркнуть важность сурового уголовного закона, соответствующего для них требованиям морали и справедливости, и наконец, характеризовались наибольшей сдержанностью критических суждений. Ответы же выходцев из среднего класса (к ним относятся мелкие коммерсанты, ремесленники, служащие) как бы "плавали" между ответами респондентов из двух предыдущих групп и характеризовались растущей с возрастом тенденцией (у мальчиков) конкурировать в критичности суждений с представителями привилегированной группы, что было особенно заметно у одиннадцатиклассников.

Наше исследование показало, что также, как и различия, связанные с полом, различия, обусловленные социальной принадлежностью респондентов во Франции в 1993 году более слабо выражены и что они, по-видимому, перекрываются тем, что мы определяем как общее беспокойство, которое связано в современном французском обществе с трудностями на рынке труда. Нельзя не учитывать и того, что во Франции наблюдается некоторое выравнивание социальных различий и культур, свойственных разным социальным группам. Можно отметить, в частности, ослабление традиционной рабочей культуры социальной борьбы, связанное с закатом синдикатов, бессильных предотвратить массовые увольнения - результата реструктурирования промышленности. Заметно также растущее беспокойство представителей привилегированной группы, сознающих свою незащищенность перед лицом безработицы и трудностей трудоустройства.

Отмеченное нами выравнивание различий, связанных с полом и социальной средой, и растущая социальная тревога, свойственная всему французскому обществу, накладывают свой отпечаток на ответы 1993 года. Последние по времени опросы населения показывают, что 69 процентов французов озабочены проблемой безработицы(5). Во-первых, выборочные ассоциации показывают падение доверия к возможности государственных структур (государство, администрация) и семьи обеспечить человеку безопасность, и усиление значения таких ценностей как равенство и солидарность. Во-вторых, спонтанные и выборочные ассоциации показывают большой рост эксплицитной (сознательной) правовой социализации, как будто закон и право становятся для опрошенных лучшей защитой в тревожное время. Наконец, парадоксальным образом, социальная эволюция способствует (особенно в группе 16-18-летних) более сильному вовлечению мальчиков в

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;**Образы права в России и Франции**

семью, которая кажется им главной социальной поддержкой, и более сильной ориентации девочек на социальную жизнь и повышению у них интереса к политической жизни, которое было заметно у них еще в 1987 году.

Французский опрос 1987 года был проведен среди более многочисленной группы респондентов, треть которых были жителями провинции; в то время как французские респонденты 1993 года не так многочисленны и все являются жителями Парижа. Но упомянутое уменьшение различий, наблюдаемых у французских респондентов и основанных на поле и принадлежности к разным социальным группам, наблюдается и в том случае, если сравнить только респондентов из Парижа, опрошенных в 1987 и 1993 годах.

Правовая социализация и культурная модель

Если гендерные различия и различия, основанные на социальной принадлежности, кажутся уменьшившимися во Франции 1993 года, можно ли в то же время, сравнивая русские и французские ответы на анкету 1993 года, говорить о двух различных культурных моделях? Можно ли, например, заметить общие для французских ответов модели "владения эмоциями" и "дистанцирования", унаследованных от придворного общества, описанного Норбертом Элиасом (6)? Действительно ли исчезла модель, описанная Бурдые и Пассерон (7), противопоставляющая "уверенность и десакрализирующую непринужденность студентов - выходцев из класса буржуазии, и школярский реализм студентов - выходцев из народа"?

Можно, во всяком случае при первом приближении, противопоставить, перефразируя Норберта Элиаса, "дистанцированность" французских ответов "вовлеченности" русских ответов.

Можно действительно сказать, что нечто подобное дистанции присуще французским спонтанным ассоциациям на слова "вина" или "преступление", которые, практически, не вызывают негативных оценок, (потому что, как думают подростки, "всем людям" свойственно совершать ошибки) или ассоциациям на слово "наказание", которое вызывает, напротив, отрицательные оценки (потому что, думают подростки, наказывать бесполезно и непедагогично). Моральные суждения, которые были характерны в 1987 году, по преимуществу, для ответов девочек и ответов респондентов из рабочей среды, сократились количественно, как будто, для интеграции и социального узнавания, теперь, в 90-ые годы, необходимо объективировать выражение чувства и принять доминирующую и императивную модель "ненапряжения" (*decontraction*), являющуюся современной формой "дистанцирования" Элиаса и "десакрализирующей непринужденности" Бурдые.

Но критика, которую французские подростки из привилегированной группы и среднего класса с уверенностью обращали к закону и судебной системе, тоже уменьшилась. Закон и юстиция, прочувствованы сегодня как необходимые, и "аристократическая" дистанция стала непозволительной роскошью перед лицом усиливающейся социальной тревоги. В равной степени заметно уменьшение цензуры, которую эта обязательная дистанция вносила в выражение чувств, касающихся, например, семьи.

То же, что остается неизменным, это тенденция объективации в ответах, которая кажется даже овладела всеми категориями отвечающих. Две черты

различают, с этой точки зрения, французские и русские ответы: французы намного реже говорят о личных отношениях (вина, например, понимается как простое нарушение правил, будь то обычное или правовое, а не как ущерб, нанесенный другому человеку); французские ответы содержат намного меньше оценок (позитивных, негативных или амбивалентных), чем русские ответы.

Русские ответы, напротив, отличается сильная психологическая вовлеченность и эмоциональность. Эта черта, по-видимому, связана с определенной педагогической моделью. Главным образом, она свойственна младшим из респондентов (11-12 летним), которые отмечают максимальное количество выборочных ассоциаций по поводу ключевых слов - в то время, как самые старшие (16-18летние) оказываются наиболее критичными и дифференцирующими. Во Франции, напротив, шестиклассники демонстрируют, в этом отношении, наибольшую сдержанность, боясь ошибки, которая повлечет за собой критику. С возрастом респонденты становятся все более смелыми, по мере того, как они чувствуют увеличение своих знаний и умений.

Весьма значительны и различия в стиле ответов французских и русских учащихся. Первые стремятся к объективации - здесь также обнаруживается педагогическая модель, в соответствии с которой нужно объяснять то, что понимают, а не то, что чувствуют. Вторые часто используют моральные суждения (в терминах добра и зла, справедливости и несправедливости) или прибегают к психологическому анализу (например, механизма вины или наказания, психологических причин развода, психологических особенностей власти) - черты почти полностью отсутствующие во французских ответах.

Мы находим, следовательно, в некоторой степени, различие, сделанное Норбертом Элиасом между французским понятием "civilisation" - цивилизация манер, нравов, формы и немецким понятием "kultur" - культуры мысли, культуры чувства. Элиас связывал преобладание во Франции цивилизации манер с феноменом социального возвышения буржуазии, достигавшегося путем заключения браков с обедневшей аристократией. Знаком этого подъема было, в особенности, приобретение манер, свойственных придворному обществу. Феномен "kultur" Элиас связывал, напротив, с притязаниями немецкой буржуазии, которой был совершенно закрыт доступ к аристократическому обществу, на исключительность культуры чувств, на художественное и литературное творчество. Бердяев полагал, что русская культура в равной степени восприняла как французскую, так и немецкую культуру, как цивилизацию манер, так и культуру чувств.

Мы полагаем, что как французские, так и русские ответы выражают в каждой из двух стран, особенности, воспринятые не только через педагогическую модель, но и через обучение языку и, главным образом, через национальную литературу.

Преподавание французского языка и французской литературы, черпает свои модели в самой французской литературе, наиболее часто отмечаемые качества которой - это ясность стиля и мера в выражении. Значение, придаваемое ясности стиля, можно проиллюстрировать двумя известными строками Буало: "то, что мыслится хорошо, ясно выражается, и слова чтобы это сказать легко приходят". Неконтролируемое выражение эмоций не принимается, а поощряется ясность формы. Здесь уместно вспомнить и фразу Та-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции

лейрана: "все, что преувеличено, не имеет значения". Невозможно передать более понятно требование дистанции, необходимой для объективации мысли и эмоций одновременно. Именно бесформенность и беспорядок становятся объектами критики потому, что только ясная и контролируемая форма обеспечивает обмен мыслями. Поэтому французским учащимся предлагается сравнить стиль Корнеля и Расина, полюбоваться тонкостью анализа Флобера и Стендаля, но им редко предлагают перейти от анализа стиля к оценке того, чем тот или иной персонаж их задевает или к тому, чтобы видеть в нем идеал.

Содержание и преподавание русской литературы, по нашему мнению, основывается на других требованиях. Если Пушкин и Толстой цитируются, например, как классики стиля, пример чистоты языка и элегантно-простоты понятий, то эти качества рассматриваются не самостоятельно, в соответствии с критериями формы, а главным образом, с точки зрения того, что они позволяют высветить глубокий психологический анализ страстей и чувств. Так, Татьяна в "Евгении Онегине", князь Андрей в "Войне и мире" еще сегодня предлагаются и выбираются как идеальные модели в сочинениях учащихся. Школьное преподавание и сегодня использует старые русские культурные модели, в которых придавалось больше значения содержанию человеческих действий, чем форме их выражения. Недоверие к манерам, к совершенству формы, как кажется, диктуется страхом или подозрением, что они будут пустыми по содержанию и что интеллигентность духа может не сопровождаться интеллигентностью сердца (8).

Эти два педагогических типа соответствуют двум культурным профилям социализации. Надо быть осторожными на их счет и всегда иметь в виду, что они порождают ценности и табу, которые становятся стереотипами как в одной, так и в другой стране.

Мы можем, например, заметить характерную для России социальную легитимность счастья, которая "должна" воплощаться в семье (тенденция, которую мы находим одновременно у Толстого, в русском семейном законодательстве и в песнях и стихах для детей). Эта легитимность является принуждающей - и мы наблюдаем, что для наших русских респондентов почти невозможно, немислимо критиковать семью и родительские права. Они формулируют эту критику косвенно: делают из развода, который они не одобряют в спонтанных ассоциациях, главный символ свободы в выборочных ассоциациях или видят основное преимущество совершеннолетия в освобождении от родительского контроля.

Можно говорить о социальной легитимности и об оценке ситуации в русской культурной модели, с помощью трех категорий анализа: а) моральные суждения, б) репрессивность на уровне частной жизни или в отношении преступности, в) психологический анализ межличностных отношений. Таким образом, вина и преступление осуждаются прежде всего потому, что они вызывают ассоциацию с чем-то тяжким и дурным и в особенности с ущербом для другого. Это моральное суждение влечет за собой оправдание наказания, домашнего или уголовного, которое считается одним из лучших средств для того, чтобы нарушитель осознал тяжесть своего поступка и признал необходимость исправиться. Наконец, такие разные понятия как "вина", "преступление", "развод" и "власть" побуждают русских респондентов

- в отличие от французов - перейти к психологическому анализу межличностных отношений.

Что касается французской культурной модели, то здесь можно констатировать прежде всего социальную легитимность стереотипной критики по отношению к некоторым объектам социальной системы. Понятие "администрация" является в этом смысле одним из самых ярких примеров. Объект разрушающей критики у таких французских авторов как Бальзак и Куртэлин, государственные служащие часто представляются в образе тех, которые "слишком многочисленны", при этом "им слишком много платят за то, что они делают", а они заваливают других граждан ненужными "бумажками". Этот стереотип, усиленный в социальных представлениях французов аргументом, исползуемым и на официальном уровне, что государственного служащего нельзя уволить в отличие от работников частного сектора, порождает негативные оценки "администрации" даже у тех подростков, чьи родители, работающие в сфере образования и медицины, принадлежат к этой социальной группе.

Авторитет во Франции является вторым пунктом, в котором сходятся стереотипные представления, хотя его полисемантическая (авторитет означает на французском языке власть) придает ему во французских ответах наиболее противоречивый статус. Авторитету завидуют, когда он выступает в форме личной власти ("уметь сделать так, чтобы другие тебя слышали, слушали и слушались"), которой располагают взрослые. На самом деле, совершеннолетие воплощает мечту подростков об "ответственности за себя", о том, чтобы "тебя признавали за взрослого", о том, чтобы "играть роль в обществе". Но авторитет вместе с тем и наиболее критикуем, когда он вызывает у подростка образ конкуренции с родительским авторитетом.

Кроме этих двух общих для всех объектов критики (администрация и авторитет), интериоризованное правило объективности суждений у французских респондентов позволяет замечать, что они отводят незначительное место формулированию моральных суждений и выражению чувств или психологическому анализу.

Выражение моральных суждений, как кажется, вообще выходит у французов из моды даже в группе девочек и в группе респондентов из рабочих семей, у которых оно было принято в 1987 году, когда речь шла об ассоциациях со словами "вина", "преступление" и "наказание". Выражение моральных суждений все более и более заменяется формулированием соображений, основанных на вульгаризации психологических и социологических знаний об универсальном характере "заблуждений" и психологической неэффективности наказания.

Но культурное табу на непосредственное выражение чувств, кажется, тем не менее падает - речь идет о табу, касающегося выражения чувств мужчинами. Именно у мальчиков-французов заметно растут с возрастом положительные оценки семьи ("счастье", "любовь", "поддержка", "понимание"), в то время как девочки, похоже, перехватывают у них эстафету автономии.

II. Представления о праве и социальный пол

Правовая социализация и социальный пол. Из русских анкет:

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;

Образы права в России и Франции

"Государство - участок земли (оно очень большое), которое принадлежит кому-то. Это то, что есть у Ельцина. Принадлежать - это собственная вещь, с которой можно делать то, что хочешь: рвать, жечь... Власть - когда владеешь, это твое. Свобода - когда делаешь, что хочешь, а тебя не ругают. Право - когда можешь делать, что хочешь. Налоги - проценты, мне не нравятся. Администрация - не знаю, не нравится. Дисциплина - порядок, мне больше нравится не дисциплина. Мэр - важный, главный, большая шишка. "(Мальчик, 6-ой класс).

"Государство - не знаю, часть земли, которой руководят. Закон - это когда президент (Ельцин или Горбачев) сделает закон, и ты должен соблюдать этот закон, а то посадят за решетку. Правила - это кто-то написал, и ты должен соблюдать. Дисциплина - быть аккуратным и вежливым. Власть - над людьми, им хочется это, а надо делать совсем другое, что тебе не по душе. Милиционер - он ходит по улицам и воров, которые грабят коммерческие ларьки, бьет дубинкой, чтобы не сопротивлялись. Мэр - самый главный милиционер из милиционеров. Незаконное - брак незаконный, ребенок - он не принадлежит вам. Принадлежать - например, ты принадлежишь маме. Родительские права - наказывать ребенка, растить. Наказать - это попытаться поставить человека на ноги. Несправедливое - жизнь. Равенство - не знаю. Солидарность - не знаю. Право - ты имеешь право разговаривать или что-нибудь делать. Свобода - это очень хорошо, что хочешь, то и делаешь, ты свободный человек. " (Девочка, 6-ой класс)

Анализ гендерных различий (9) представляет определенную трудность, связанную с тем, что именно следует понимать под самим термином "гендерные различия". Данные исследования с очевидностью свидетельствуют о том, что кросс-культурные различия образов и представлений, связанных с понятиями права у детей и подростков несоизмеримо существеннее тех тенденций, которые хоть как-то могут претендовать на звание собственно "гендерных". Проще говоря, вопросы могут быть сформулированы следующим образом: 1) Существуют ли какие-либо тенденции формирования и функционирования образов права, про которые можно было бы сказать, что они оказались в большей мере присущи юношам или девушкам, независимо от "контекста", в нашем случае, от страны, в которой проводилось исследование ("универсальные" гендерные различия)? 2) Если да, можно ли предложить какие-либо обобщающие интерпретации этих тенденций? 3) Если нет, то как проявляется гендерная специфика внутри каждой подвыборки опрошенных, и каковы ее возможные объяснения?

"Мужское" и "женское"?..

Тренды, являющиеся "гендерно-универсальными" и проявляющиеся в большей или меньшей степени в ответах и российских, и французских школьников, выражены незначительно и уступают в яркости и различительной силе "гендерно-специфическим", т. е. выраженным внутри каждой подвыборки. Если разнести все слова-стимулы по условным обобщенным категориям ("власть", "право", "мораль", "гражданская жизнь"), то из сопоставления тенденций, различающих ответы мальчиков и девочек в обеих странах

можно предположить лишь некоторые намеки на универсальную тендерную окраску правовых образов. Для мальчиков, по сравнению с девочками, власть несколько более персонифицирована и чуть больше ассоциируется с авторитетом, комплекс "право" как бы распадается на разрешительное и карающее, где правовые инстанции в большей мере, чем у девочек наделяются именно уголовной компетенцией; комплекс "мораль" носит несколько менее выраженный ценностный характер. В ассоциациях девочек видно как бы меньшее по сравнению с мальчиками внимание к власти и большее - к порядку, причем постоянно подчеркивается некий элемент порядка и правил, комплекс запретов и разрешений, который надо соблюдать, за чем уполномочены следить специальные авторитетные лица и эксперты по выполнению социальных, юридических и моральных требований - от судьи до полицейского, в чьи задачи, впрочем входит не столько применение криминальных санкций, сколько "исправление" "плохих поступков". Законы при этом превращаются как бы в Главные Правила, с которыми Судья сверяет человеческие поступки. При этом решается, возможно, не только мера отклонения от правила, но и главным образом мера "плохости", аморальности этого отклонения - с целью исправления его при помощи справедливого наказания (девочки больше мальчиков озабочены возможностью несправедливого наказания).

Наиболее дифференцирующими по полу оказались комплексы "мораль" и "гражданская жизнь". У мальчиков в двух странах почти не оказалось тут общих тенденций, однако для девочек понятия этого типа выявили довольно выраженную "родственность". Ответы девушек отличает явный акцент на отношениях - межличностных и между людьми в обществе. Возможно, этим объясняется и тот факт, что девочки так упорно подчеркивают аспект подчинения и послушания законам и правилам: озабоченность "вписыванием" в мир человеческих отношений (а не властью, не местом в социальной или политической иерархии) побуждает и к большей озабоченности аспектами общности и общежития. Вряд ли такую тенденцию можно свести лишь к большей конформности и подчиняемости женщин в иерархических отношениях (10) - скорее это результат высокой ценности отношений "контракта" "между двумя (и более) людьми", каждый из которых "просто человек", они имеют "одинаковые права"; и отношения эти "надо уважать" во избежание нарушения солидарности, то есть "союза людей" в результате "спора", как "непонимания, нежелания уступить" - или даже "развода" как "итога конфликтов, несовпадений" (11). Ссылаясь на исследование детских игр Джанет Левер, Гиллиган пишет: "Казалось, что мальчики получали не меньшее удовольствие от "правовых дебатов" по поводу игры, чем от самой игры... Напротив, возникновение споров между девочками часто вело к прекращению игры вовсе" (12). "Девочка, - писал Фрейд, - в большей мере готова встретить мир на половине дороги (пойти навстречу миру) - и в то же время ее связь с объектами более прочна". В рамках такой логики "отправным пунктом" формирования и функционирования правовых представлений, релевантных скорее повседневным "горизонтальным", чем более абстрактным "вертикальным" отношениям с государством и властью, становится образ ответственности. "Женское выстраивание моральной проблемы скорее как проблемы заботы и ответственности, чем прав и правильного (разумного, справедливого) в от-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции

ношениях, связывает развитие их морального мышления с изменениями в понимании ответственности и отношений. Таким образом, логика, за которой стоит этика заботы, - логика психологическая, противостоящая формальной логике правильности и соответствия истине (13). Речь может идти в таком случае не о различии уровней морального суждения юношей и девушек одной возрастной группы, а о различном содержании самой конвенции (системы ценностей) для девочек и мальчиков, мужчин и женщин. Первые ориентированы как бы больше на оппозицию "верно - не верно" (в принципе), вторые - на оппозицию "хорошо - плохо" (для отношений). В исследовании Ш. Курильски, проведенном в 1987 году было обнаружено, что "ассоциации мальчиков к некоторым понятиям продемонстрировали тенденцию к рассуждению более в терминах прав и власти и в терминах формальных категорий при оценке ситуаций. Ассоциации же девочек выявляют тенденцию к суждениям в терминах относительности ситуаций, а так же большую категориальную гибкость и дифференцированность в оценивании ситуаций" (14).

Наиболее отчетливо "гендерно-универсальные" тенденции проявились, пожалуй, в ассоциациях девочек к понятиям "равенство" и "несправедливое". Девочки больше, чем мальчики, акцентируют представление о справедливом как о равном, основанием чему служит одинаковая ценность (у русских девочек так же "одинаковость") людей, отчего предпочтение одних другим (как на другом уровне социальное неравенство) воспринимается как заведомо несправедливое. Девочки, особенно младшие, как бы отказываются располагать людей иерархически, в соответствии с их заслугами или талантами; будучи более чувствительны к отношениям - в том числе к несправедливому отношению - они в старших возрастах больше, чем юноши, акцентируют равенство прав. Особый интерес может представлять образ справедливого как равного, одинакового и непредвзятого отношения, присущий девочкам в большей мере, чем мальчикам может указывать на то, что условия социализации девочек возможно заставляют их быть действительно более чувствительными к аспектам неравенства в отношениях, не связанных прямо с иерархией и властью. (К примеру, в ассоциациях российских девочек к различным понятиям слово "справедливый" встречается в 1,5 раза чаще, чем у мальчиков).

Ответы российских детей, как правило, намного более "гендерно-дифференцированы", чем у французов. Однако, если пока пренебречь тем фактом, что ответы юных французов редко дают возможность установить значимые различия, и сосредоточиться лишь на тенденциях, пусть даже и слабо выраженных, можно утверждать с достаточными основаниями, что "универсальные" женские тренды, выявленные в исследовании являются во многом и теми тенденциями, которые вообще отличают российских опрошенных от французских сверстников. Около 70% тех "мини-тенденций", которые можно с определенной долей допущения считать "универсально-женскими" в то же время присущи россиянам, независимо от пола, в большей мере, чем французам. Является ли это случайностью, косвенным свидетельством в пользу идеи Бердяева о женственности русской души, следствием особенностей моральной социализации в России, как бы в большей степени консервирующей, допустим, нерациональные или конвенциональные

элементы морали, или чем-то еще сказать трудно. Тем более, что и некоторые "мужские" тенденции более свойственны ассоциациям российских детей, чем французских. Таковы, например, тенденции, отличающие в обеих странах отношение мальчиков к власти, как личной власти, основанной на богатстве и связях, подчеркивание криминального аспекта правовых понятий. Рационально институциональные же элементы, кажется, несколько больше свойственны мальчикам - и французским опрошенным. Итак, на первый из поставленных вначале вопросов о существовании "гендерно-универсальных" тенденций мы отвечаем скорее "да", однако в связи с тем, что и "нет" тоже парадоксальным образом содержится в этом ответе, следует уделить больше внимания тендерной специфике внутри каждого подмассива.

"Мужское" и "женское" - и культурная модель.

Образ власти. "Власть - это почти все, если ее много".

Наиболее распространенное "синтетическое" представление русских подростков, по-видимому, лежащее как бы в основе главной доли ассоциаций независимо от пола, явно имеет отношение прежде всего к понятию власти. Общим для подавляющего большинства русских респондентов является образ власти как чего-то огромного, по сравнению с которым человек видит себя совсем маленьким и незначительным, однако особенно ярко этот образ предстает в ассоциациях девочек: "сильнейший управляет другими", "сила над слабыми", "руководство верхушек над мелким населением". Хотя такое представление обнаруживается и у французов, оно часто относится к неактуальным формам государственной власти: "у короля есть все, что он хочет - у него власть", "полная власть - у диктаторов", "абсолютная монархия" превращается в абстрактно-психологическое понятие: "то, к чему все стремятся и с чем не хотят расставаться", "XX век - все хотят командовать"; наконец - что на наш взгляд особенно важно - в него входит и представление о злоупотреблении властью, особенно четко выражаемое девушками-старшеклассницами ("если не ограничивать власть - это начало разрушительное. "Злоупотребление властью", "правительство может злоупотреблять властью", "власть - тяжелая ответственность. В больших дозах опасна"). Создается впечатление, что то, что для французских подростков является возможным (и опасным) элементом власти, для их русских ровесников входит в само представление о власти, является конституирующим элементом власти ("Тиранство, деспотизм. Это неизбежно при любой власти").

Однако, это в общем-то разделяемое и юношами и девушками представление, тем не менее имеет свою тендерную специфику. Для девочек власть - прежде всего сила, манипулирующая людьми, заставляющая их делать что-то вопреки их желаниям, требующая послушания и получающая его ("это человек, которого должны все слушаться, как все слушаются Ельцина"). Причем этот образ с возрастом практически не корректируется, к нему лишь добавляется все развивающееся представление о могуществе власти (36% шести-классниц, 48% восьмиклассниц и 62% одиннадцатиклассниц). Одновременно идея власти как политического института скорее даже утрачивает силу (в среднем она свойственна 36% ответов русских девочек, однако в 10-ом классе ее выражают 29%, а в 11-ом - 25%). Разрастающаяся "монструозность" об-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОВОСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции

раза власти не вызывает, как можно было бы ожидать, однозначного роста негативных оценок. Действительно критично - иногда даже агрессивно - относятся к власти как раз самые младшие девочки (20%), особенно из "простой" школы ("Ельцин - дурной козел"). С возрастом скорее все чаще возникают попытки как-то рационализировать власть, определить условия, когда она может быть во благо властвующему или подвластному - отсюда рост как позитивных (15% в 10-ом классе) так и негативных (до 12% в 11-ом классе) и амбивалентных (19% в 10-ом классе) эмоциональных оценок. Можно выделить несколько представлений, соответствующих этой эволюции: а) власть как свобода, успех и привилегии/права - этот образ особенно занимает умы мальчиков в восьмом классе (30%), однако затем несколько утрачивает силу и стабильно отмечается в ответах 10% старшеклассников, девочки же более активно разрабатывают этот образ в последних классах (почти 40% одиннадцатиклассниц): "если тебе подчиняются, ты добился успеха в обществе", "власть дает преимущество перед другими", "право делать все, что заблагорассудится" (уточнение более раннего "когда все позволено"), "свобода", "подчинение людей - свобода"; б) власть как возможность благодеяния - "если она в небольших количествах, даже приятно, но человек, властвующий над кем-то должен заботиться о своих подчиненных" "возможность что-либо изменить", "сила, с помощью которой можно помогать людям", "то, что дает преимущество в каких-то вопросах, но большая ответственность за действия свои и подчиненных"; в) наконец, власть как возможность нравственного растрепания властвующего - "можно приносить пользу людям, но злоупотребляя ею можно очень низко пасть" (на наш взгляд, в этом примере хорошо видна разница контекстов той обеспокоенности проблемой злоупотребления властью, которую выражают некоторые русские школьницы по сравнению с французженками: первые волнуются скорее о нравственном облике властвующего, вторые - о благополучии подвластных), "вещь, которая заставляет забыть об окружающих, в частности о друзьях". Осознание соблазнительности власти как свободы вкупе с представлением о власти как о произволе силы, приводит к имплицитному "призыву" к властителю быть сознательным и ответственным, сохранять моральные критерии оценки своих действий, что несколько напоминает образ "добротного царя" или "хорошего родителя" из популярной книжки по домашней педагогике. Лишь в одном ответе можно встретить ясное и безличное указание на то, что "власть должна ограничиваться", и еще в одном - попытку примирить понимание власти как вседозволенности и представление о необходимости ограничений власти: "возможность делать все, что ты хочешь, но в рамках закона".

В ответах русских мальчиков и юношей акценты расставлены несколько по-иному. С самого начала они не склонны подчеркивать подчиненность, зависимость объектов власти - всего один процент акцентирует на этом внимание против 15% девочек (к тому же у девочек доля таких ответов возрастает от 8% в 6-ом до 24% в десятом классе). Правда, мальчики, особенно младшие, подчеркивают контролируемую функцию власти, нередко конкретизирующуюся в требовании подчинения - однако, если у девочек доля ассоциаций такого рода неуклонно растет, то у юношей, наоборот, резко снижается (с 36% в шестом и восьмом классах до 20% в десятом и 10% в один-

надцатом). Ведущими же во всех возрастах остаются отчасти конкурирующие, но отчасти и согласующиеся образы власти как силы, могущества и господства ("возвышенность над всеми", "власть над миром и человеком"), с одной стороны (34%), и политической и государственной власти ("у нас демократическая власть, президент"), с другой (39%). Представление о власти как о "безграничном управлении" вызывает у юношей еще большее неприятие и критику, чем у девушек - от грубого: "власть - богатым козлам и гадам", "президент имеет власть над дураками" - из чего, кстати, следует, что умный "под власть" не дастся; до несколько более конкретных критических суждений ("воровство"), ярких метафор ("когда банда грабит банк, им ничего не страшно, лишь бы деньги взять") и полного отвержения ("власть не должна существовать", "любая власть-тирания", "это плохое слово", "власть...зачем?"). Эта последняя реакция особенно характерна для одиннадцатиклассников из спецшколы (т.е. возможно является прерогативой молодых людей из более образованных семей), и ею обусловлен резкий рост негативных оценок власти у юношей в этом возрасте (40%). Однако большинство юношей скорее амбивалентно по отношению к власти, она и притягивает и отталкивает их.

В ответах мальчиков "огромная сила" власти чаще воплощается и в личностях, и в институтах ("руководитель следит за городом", "правительство", "люди, управляющие делами государства"), сильнее выражено представление об иерархии, и в то же время гораздо более явно, чем у девочек прослеживается не просто констатация преимуществ, которые дает власть (уже знакомое по ответам девочек представление: "сила, дающая права большие, чем другим"), но и желание власти, восхищение ею и идентификация с ней ("клевая штука, но трудно ею управлять!", "имеешь все: связи, силу, могущество", "это именно власть одного разумного человека в стране", "женщины, вино и деньги", "это нечто большее, это сильнее, чем деньги"). Как бы в дополнение образу власти "над дураками" встречается образ умных людей власти, "которые вынуждены думать за миллионы (а не о миллионах - М.А.) людей." Говоря о власти, мальчики чаще девочек употребляют первое или второе лицо единственного числа, словно ставя себя на место "власти" (ср.: "когда все позволено"(д) и "делаю, что хочу"(м); "когда один человек повинуется другому человеку"(д) и "это когда ты владеешь кем-нибудь"(м)).

Образ власти как произвола уточняется юношами в его соотношении с законом и правом - в некоторых ответах ясно указывается на то, что эти последние находятся не "над", а "под" властью, которая представляет собой "кучу людей, которые выдумывают глупые законы"(6-ой кл.), "возможность иметь людей в подчинении. Возможность делать все, что угодно по закону и без него"(11-й кл.), "распоряжение всеми законами и правами граждан на основе главенства"(10-й кл.). В отличие от девушек, юноши не "просят" власть соблюдать приличия, а "прощупывают" пути во власть. Хотя доля ответов, в которых достаточно ясно проглядывает эта тенденция, невелика, все же не случайно ассоциации такого рода встречаются только у юношей. При решении вопроса о власти важно "смотря как она досталась"; пути эти могут быть различными: могут эксплуатироваться "деньги", однако, "власть можно заслужить умом, реже добродушием, чаще силой", это может быть и "(моральная) сила перед некоторыми людьми", и - близко к этому -

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции

"авторитет", дающий возможность "иметь власть над всеми". Если путь выбран правильно, то "в коллективе ты не знаешь проблем и тебе можно то, чего нельзя другим" - "быки" обдумывают возможности стать "Юпитерами".

У французов можно обнаружить лишь слабые следы половой дифференциации того же "вектора", что у русских. Девочки, особенно младшие несколько чаще ассоциируют с властью абсолютизм и единовластие ("человек, который управляет всем") и подчеркивают способность власти удовлетворять все желания властвующего ("власть позволяет нам исполнять все наши желания"). Младшие мальчики (6-ой и 8-ой классы) существенно чаще уравнивают власть и силу - практически все лаконичные ответы типа "власть - сила" принадлежат мальчикам. Однако ответов такого рода в целом значительно меньше, чем у русских - и особенно у девочек. Юные французенки менее всего склонны отождествлять власть и силу (17% ответов были отнесены к категории "сила, могущество, влияние"), а русские девочки, наоборот, в этом отношении лидируют (39%). При этом обобщенная категория "сила, могущество, влияние" еще камуфлирует тот факт, что русские респонденты преимущественно говорят о силе и власти-могуществе, французы же - о влиянии, власти-авторитете и доминировании: "возможность влиять на человека по своему желанию", "влияние на группу людей", "авторитет", "доминирование", "превосходство", "навязывание своего выбора" и т.п. В свою очередь это влияние или превосходство не "падает с неба", а имеет некоторый социальный механизм, отражающийся в представлениях подростков о роли денег в социальном возвышении (как и у русских, но чаще упоминаемый, этот образ в основном свойствен мальчикам), и особенно, в идее "социальной лестницы". Этот образ начинает активно разрабатываться французскими школьниками уже в восьмом классе как мальчиками, так и девочками ("самый высокий на социальной лестнице", "мощь, и еще символ иерархии", "превосходство над другими членами той же категории"), а у старшеклассников превращается в представление о разнообразных и разном уровне социальных лестницах, по которым так или иначе карабкаются все (лучше всего это выражено в ответе девушки-одинадцатиклассницы: "власти ищут все люди - конечно, на разных лестницах, ступенях"). Этот образ уже очень близок к представлению о социальной и политической структуре, он отражает нечто более сложное, чем просто оппозиция власть - подвластные. Кроме того, само представление об иерархии как ступенчатой содержит в себе как бы возможность подъема, имплицитно подразумевает отсутствие пропасти между субъектами и объектами власти. Девочки значительно чаще ассоциируют с властью политические и государственные институты и, в отличие от русских ровесниц, совсем не проявляют тенденции подчеркивать зависимость, подчиняемость объектов власти и даже меньше мальчиков упоминают манипулятивный аспект власти, требование послушания. Как раз напротив, именно девочки - особенно с возрастом - чаще мальчиков говорят о власти как о политическом механизме управления, о власти как общественной функции: "разделение властей, политика", "власти: законодательная, исполнительная, судебная" (Пкл). С возрастом французские школьники (опять-таки, несколько более явно - девочки) все чаще в довольно академической манере подчеркивают, что власть бывает разных "сортов" и может пониматься по-разному: "могут подразумеваться самые разнообразные

вещи. Для некоторых, власть - это государство, для других - деньги", "правительство, демократия, диктатура, законодательная власть". Больше озабоченные силой власти, мальчики, видимо в качестве компенсации, особенно развивают проступающий в последнем примере образ власти как относительно безопасной, ограниченной, которой противостоит отвергаемая и опасная неограниченная власть. Имплицитное представление о пределах власти начинает проявляться - и это один из самых сильных контрастов с русскими ответами - уже у самых младших: "король имеет все, что захочет - у него власть" (значит у "не-короля" такой власти, видимо, нет)(д.,6-ой кл.); "доминирование, право, контроль над некоторыми вещами" (а не над всеми вещами)(д.,6-ой кл.); "вся власть - у диктаторов"(м.,8-ой кл.); "редкий человек может ее иметь" (м.,8-ой кл.); "действие, которым осуществляется доминирование - путем ограничений или свободной воли"(м.,8-ой кл.); "власть политических деятелей или диктаторская" (д.,8-ой кл.); "никогда - полная"(м.,8-ой кл.). Даже у самых младших можно обнаружить уже достаточно отчетливый образ демократического регулирования власти как своеобразной власти подвластных: "власть - голосовать; иметь право голоса". После восьмого класса власть все реже ассоциируется с силой или господством, и чаще - с влиянием, управлением, контролем и политикой. Представление об ответственности власти, необходимости ее ограничения и возможности злоупотреблений властью становится все более эксплицитным. Соответственно и критика, порой весьма острая, не звучит с таким отчаянием, как в русских ответах. Несмотря на наличие эмоциональных "всплесков", в точности напоминающих оценки власти русскими респондентами ("зачем?..", "это грустно", "ужас", "это то, что я не люблю") и тоже похожее абсолютное отвержение власти ("это абсурд, люди свободны") - кстати, у французов чаще свойственных девочкам, все же критика власти в французских ответах менее агрессивна (ср. "бандитская власть"(р) и "политики никто иной, как лжецы"(ф)) и относится скорее либо к определенному типу власти (абсолютизм), либо к злоупотреблениям, чем к власти вообще. При этом именно девочки-франуженки более критичны к власти, что согласуется и с их большей политизированностью, и что резко отличает "гендерный профиль" французских ответов от "гендерного профиля" русских. Похоже, что "архетипическая" гендерная специфика французами почти утрачена - или, говоря корректнее, в ответах французских подростков почти не прослеживается. Эмоциональный комплекс непроницаемости концентрических кругов власти Бог - Государь, отец - муж, ощущение непоправимого дефекта, связанного с полом и навсегда закрывшего путь к восхождению по этим ступеням (а посему оставляющему лишь две основные возможности - смирения или скрытой манипуляции), по-видимому почти совершенно стерлись если не из "генетической памяти", то из актуального сознания (15). В ассоциациях же российских детей гендерная специфика столь очевидна, что наводит на мысль о большей бессознательной доступности власти (16), проницаемости перегородок и "разрешенности" агрессии и бунта для юношей, чем для девушек. В России юноши как бы более "фамильярно" относятся к власти, чем девушки - власть для них в большей мере выступает как объект борьбы (и завоевания?). Женщина Рахиль хитрила, пытаясь, приняв новую веру, сохранить защиту старых богов, мужчина Иаков боролся с Богом. Именно мужчина бросает

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;

Образы права в России и Франции

вызов Богу, оскорбленный его не великодушием, в произведениях русской литературы : у Тургенева отец Базарова после смерти сына выкрикивает свое знаменитое: "Возропщу!", у нашего современника Маканина тоже отец в аналогичной ситуации грозит кулаком небу, капитан Снегирев у Достоевского кротко отвергает не рассуждающую жертвенность Авраама, духовный подвиг Иова: "...Не хочу другого мальчика...". Мальчики все же могли надеяться стать отцами и получить сомнительное право требовать у высшей силы разумных оснований ниспосылаемых испытаний.

Подобно русским детям, французы пытаются определить соотношение права и власти. Во всех возрастах этим несколько больше озабочены девочки (у русских преимущественно старшие). Скрытый за детскими высказываниями вопрос мог бы звучать примерно так: власть владеет правом (и до какой степени) или право правит властью (и каким образом)? Разница между русскими и французскими респондентами, похоже, состоит в том, что первые в большинстве своем в ответе не сомневаются, а вторые его ищут. Шестиклассники, как и русские респонденты, склонны рассматривать соотношение власти и права в пользу первой ("владеть законами страны"), хотя сам образ власти в ответах этого рода часто куда более скромный, чем в русских ответах: "когда имеется на что-то право", "право, контроль над определенными вещами". В восьмом классе наряду с характерным для русских респондентов высказыванием "иметь все права" появляется "право управлять" (но не "право делать все, что заблагорассудится"), в десятом - "право решений", в одиннадцатом, как уже упоминалось, присутствует стойкая ассоциация с социальными и правовыми институтами ("закон, гарантия, безопасность, порядок, полиция", "Разделение властей, политика. Должна внедрять дисциплину и улаживать трудности"). Власть предстает, с одной стороны, как опасная, если она не ограничена, и как достаточно привычная, необходимая и обыденная конструкция управления (хочется отметить, что акцент на первом образе встречается в основном у девушек в "простой" парижской школе, а на втором - у девушек-лицеисток. Возможно, девушки из разной образовательной среды по-разному испытывают давление "власти". В этом отношении ответы французских девочек менее привилегированного круга сближаются с ответами русских).

Ассоциации школьников к термину "право" позволяют лучше представить себе их пути к определению соотношения права и власти.

Право. "Возможность, написанная в законе". "Я могу есть, пить, дышать."

Право для французов - и для мальчиков в большей мере, чем девочек - нередко выступает как особый социальный институт, примиряющий свободу и власть, устанавливающий между ними компромисс, например с помощью конституции (на нее ссылаются 17% мальчиков и 10% девочек - в десятом классе соответственно 30 и 20%; в России таких ссылок лишь 3% у мальчиков и 1% у девочек, в Юм классе соответственно 6% и 0). Имплицитно содержащееся в ассоциациях французских подростков "обсуждение" легитимности власти и ее "встроенности" в систему права активнее ведут мальчики, чем девочки, французы - чем русские.

Значительно менее заметно, чем в случае с "властью", но вектора тендерных различий во французской и русской выборке опять отчасти противоположны. Большой акцент на индивидуальных правах делают те группы, кото-

МИР РОССИИ. 1997. N3

рые выражали более критическое отношение к власти - русские мальчики и французские девочки. Возможно, те и другие более активно намерены, пользуясь своими правами, подойти "поближе" к власти.

Резюме: "Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие".

В самом общем виде анализ гендерных профилей, складывающихся из ассоциаций французских и русских респондентов к таким правовым понятиям, как "власть", "право", "закон", с одной стороны, - и "свобода", "равенство", "вина", "ответственность", "наказание", с другой - выявляет несколько основных тенденций.

В России ощущение власти, как ничем не ограниченного произвола ее обладателей - будь то личности, группы или социальные институты - вызывает различные реакции в зависимости от пола респондентов. Мальчики и юноши относятся к носителям власти более критично, чем девушки, проявляют иногда глубокое и открытое недоверие к ее институтам и установлениям ("власть - тиранство", "государство - сборище плохих людей", "мэр - козел", "налоги - грабёж", "администрация - бюрократы") - и вообще чувствительны к властному аспекту, в частности, институтов права, считая почти неизбежность неисполнения ими тех функций, ради которых они созданы ("суд - театр", "судья - мафиози", "адвокат - подкуплен; трепло", "милиционер - власть с дубиной"). Учитывая, что русские мальчики в среднем чаще девочек подчеркивают уголовную и репрессивную компетенцию институтов права и их представителей, объяснимо, что оценивая эти последние, респонденты мужского пола дают и больше полярных, и больше амбивалентных оценок - возможно, в зависимости от того, идентифицируются ли они больше с "преследуемым" или наказуемым или с "преследователем" (например, судьей, судом, милиционером). При этом мальчики выражают определенный пиетет перед правом и законом, которые надо было бы писать с большой буквы - т.е. абстрактными понятиями, а не их социальными воплощениями.

Девушки более законопослушны, уважают порядок и правила (это же у француженок), подчеркивают этот элемент правовых понятий - и в то же время особенно чувствительны к отношениям, не связанным прямо с иерархией, "несправедливому отношению", неравенству, немотивированному превосходству. Француженки занимают по поводу власти намного более активную позицию, однако чаще видят представителей закона и власти как просто "функционеров", которые должны поддерживать порядок в обществе. Отношение к ним русских девочек в целом менее эмоциональное, они довольно легко идентифицируются с репрессивной властью любого уровня (родители, закон, суд), когда она наказывает девиации. В то же время отношение русских девочек к власти как бы более отчужденное, словно они ощущают - в большей степени, чем мальчики и тем более, французы - своего рода "обреченность" на подвластность или, мягче - лояльность. Если это так, то и акцент на следовании правилам, общий для девушек в обеих выборках, может иметь совсем другой смысл для юных француженок: признание необходимости правовой регуляции в обществе, "правил социальной игры", а не вынужденная лояльность по отношению к власти; доступ к "социальной лестнице", а не ощущение пропасти между "верхушками" и "мелким населением". Отношения между властью, свободой, моральными ценностями и ре-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

прессивными аспектами права - так, как их взаимодействие, проступает в ответах русских подростков, приводят нас к предположению, что и у юношей, и у девушек мы встретились с действием весьма развитого, по сравнению с французами, механизма идентификации с "агрессором" - но из разных ролей: "мужской" роли конкуренции с агрессором или "женской" роли, предполагающей рационализацию направленной на себя агрессии. В этой связи страстное отношение русских девочек к свободе (70% русских мальчиков и 91% девочек ассоциируют со словом свобода абсолютную личную свободу против соответственно 34% и 33% французских детей) перестает выглядеть парадоксом - не располагая "мужским" каналом отождествления с "огромной силой", они особенно активно фантазируют о совершенной свободе от нее.

Семья - "твой очаг, твоя крепость, твой отдых".

Семья аккумулирует у русских детей вытесненные из макросоциального мира образы равенства (во всех стратах), справедливости (особенно у шестиклассников), солидарности (старшеклассники). Российские дети и подростки, в отличие от французов, ассоциируют с семьей прежде всего чувства - любви, радости, счастья. При этом парадоксальным образом юридическое понятие семьи у москвичей значительно выше, чем у парижан. Семья выступает сразу и в виде социального института, едва ли не единственного, принцип образования и действия которого им понятен, и частного мира особых отношений любви, родства и общезития.

Если у французов иерархия (по частоте упоминаний) различных элементов образа семьи прямо не связана с полом респондентов, то у русских структура образа семьи у мальчиков и девочек имеет определенные особенности. Мальчики чаще подчеркивают институциональные элементы, реже пишут о счастье (особенно доля таких ответов снижается с возрастом) и родственных отношениях. Мальчики очень редко отмечают интерактивные аспекты (доверие, взаимопонимание), чувство защищенности, уверенности, возникающее в семье - ассоциации, характерные для девочек. При этом если у девочек число позитивных оценок семьи с возрастом скорее растет, то у мальчиков напротив, в старших классах снижается (интересно, что французские юноши демонстрируют противоположную тенденцию). Возможно, эти тенденции у русских опрошенных отчасти объясняются большим традиционализмом их гендерной социализации: девочки с возрастом приобретают все более оформленную семейную идентичность, в то время как мальчики, оставив позади идеализированный детский образ семьи, более склонны к формированию внесемейной социальной идентичности. (Кстати сказать, по данным европейского исследования "Семья в Европе: Восток-Запад", проводившегося в 1992 году в России, Венгрии, Польше, Германии и Швеции, у российских семейных мужчин был обнаружен наиболее высокий уровень приращенности источником идентичности, лежащим вне семьи, в первую очередь для них были важны с этой точки зрения профессия и карьера (17). В нашем исследовании среди русских респондентов именно мальчики упоминали в ассоциациях к слову "право" - право на труд и право на забастовки.) Это различие прослеживается у русских опрошенных в ассоциациях почти на все слова: девочки значительно чаще сосредоточены на межличностных, мальчики - на политически или социально отнесенных аспектах значений.

МИР РОССИИ. 1997. N3

"Семья" имеет для русских детей едва ли не наибольшее количество связей с понятиями (ценностями) - факт, вероятно, отражающий ее не сравнимую с другими социальными институтами значимость. Однако, хотя это относится в равной мере к школьникам обоих полов, интенсивность связей с тем или иным правовым понятием у мальчиков-юношей и девочек-девушек различна. Для девочек представление о семье прежде всего связано с понятиями солидарности и равенства; для мальчиков еще более частой является связь с ответственностью - ее отмечает до 90%(!) российских юношей. В первую очередь с ответственностью связывают российские мальчики и понятие алиментов (девочки - с законом); развод же для тех и других - это свобода. (Эта почти единодушная ассоциация составляет разительный контраст между российскими и французскими опрошенными, у французов она почти не встречается).

Итак, реконструируется приблизительно такая модель: почти исключительно в семье мы находим равенство и солидарность, но не свободу. За удовольствие иметь первые - платим второй, а освободившись (в результате развода) получаем свободу - причем ответственность за семью несет скорее мужчина ("развод - муж ушел от жены", "алименты - платит отец, оставивший семью").

Учитывая же чрезвычайно тесную связь у русских детей ответственности и вины и характерное описание вины как чувства вины, легко представить себе, что развод - особенно для мальчиков (а впоследствии для мужчин?) тесно ассоциируется с интериоризированным переживанием "мужской вины" - отчасти компенсируемой алиментами (25% десятиклассников и треть одиннадцатиклассников описывают алименты как компенсацию за вину, у девочек такая ассоциация встречается лишь у 13% десятиклассниц; французских ответов такого рода нет вообще).

В выборочных ассоциациях юных французов также можно обнаружить следы "патрицентрической" модели мужской ответственности за семью: для мальчиков, в отличие от девочек, связи семья - ответственность и развод - ответственность являются основными. Однако, понятия вины и ответственности у французов сцеплены значительно в меньшей степени, чем у русских, не несут такой эмоциональной нагрузки и имеют более действенный операциональный характер. Таким образом, мужская ответственность для молодого француза не предполагает актуальной или потенциальной виновности - а именно такой ролевой образ ответственности кажется характерным для значительной доли российских юношей. Главная связь понятия "развод" у французов - со справедливостью-юстицией (для обоих полов), а справедливости - с правом. Этот "комплекс гражданской, правовой регуляции" еще усиливается у мальчиков-французов тем, что тесно связанное с семьей наряду с солидарностью - понятие ответственности, ассоциируется у них не с виной, как у российских юношей, а с понятием "гражданин", а через него - с равенством, это же последнее опять тесно связано с правом. Таким образом, можно предположить, что для французских юношей с по-видимому принимаемой (интериоризируемой), как и российскими молодыми людьми "мужской" ответственностью за семью (развод) сцеплен скорее "правовой" или "гражданский" комплекс "справедливость - равенство - право", в то вре-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОВОСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

мя как для российских будущих мужчин это в большей мере снова "моральный комплекс": "вина - свобода".

Анализ "сетей" выборочных ассоциаций позволяет уточнить семантическое поле правовых понятий и еще раз подчеркивает трудность прямого сопоставления тех или иных из них в различных культурах. Для российских мальчиков ассоциация солидарность - семья является практически единственной и почти универсальной т.е. солидарность как бы помещается в семью, воплощается в ней - и никакие другие правовые и социальные институты не способны в этом отношении конкурировать с семьей. У российских девочек картина почти такая же, однако она дополняется еще одной тесной связью, а именно между "солидарностью" и "договором". Казалось бы, в этом случае "солидарность" выводится за рамки приватного межличностного мира на просторы более широкого социума и контрактных отношений; однако именно для российских девушек весьма характерно понимание договора скорее опять-таки как интимного межличностного взаимодействия.

Если дополнить понятие договора антонимичным понятием спора как несогласия, расхождения, конфликта, то становится довольно очевидной в значительной мере внеюридический, ценностный, межличностный характер соответствующих представлений у российских детей и особенно девочек. Представление о споре (и разрушении солидарности) органической частью входит тогда в образ развода, в том числе "развода" друзей ("друзья поссорились"), а представление о договоре (и солидарности) - в образ семьи. Нет семьи, близких - нет и "места" для столь важной ценности, ее негде больше искать, она "не размещается", не "живет" в холодных пространствах отношений между "дальними".

У юных французов же, несмотря на приоритетность связи семья - солидарность (у девочек так же семья - безопасность, у мальчиков же, как уже отмечалось, семья - ответственность), само представление о солидарности явно отличается не только содержательно, но и, если можно так выразиться, характером "размещения" в пространстве социальных отношений. Солидарность в представлениях молодых французов имеет прямое отношение к семейным пособиям, социальному обеспечению, алиментам и понятию "гражданин", т.е. образ солидарности явно выходит за рамки лишь частной жизни и распространяется на сферу социальной поддержки и гражданских прав, на сферу социального, а не межличностного только взаимодействия и регуляции отношений. Возможно, отчасти и поэтому семья не занимает в представлениях французских школьников того исключительного положения, которое отводится ей российскими опрошенными - похоже, первые как бы распределяют ожидание (или требование) поддержки между различными социальными институтами, в то время как вторые надеются только на непосредственную группу. У французов действует осознанное представление о безопасности в широком смысле, не ограничивающееся лишь образом физической безопасности. Особенно отчетливо это выражено у девочек - кажется, в каком-то отношении это для них сверхценность (7 особенно сильных связей с другими понятиями). Они ищут (или ожидают) безопасности от многих правовых и социальных институтов: договора, семьи, собственности, частного (жизнь?), социального обеспечения и семейного пособия и, конечно, закона и полиции (видно, что лишь два последних понятия могут иметь от-

ношение к физической безопасности). Семья не является в представлениях французов тем местом, на котором сосредоточены их главные ожидания и где "обитают" их основные ценности (что составляет сильный контраст семейному традиционализму русских, особенно девушек), как и забота о семье не кажется им лишь ее собственным делом, что отражает, возможно, достаточную степень интериоризации назначения этих социальных, гражданских структур, призванных "подписать" семью, помогать ей поддерживать баланс безопасности.

Особая роль семьи, ее идеализация - характерная в большей мере для девочек - возможно, имеет немаловажное значение для объяснения некоторых специфических черт российского правосознания, отраженного в ответах школьников. Ориентация более на социально-психологические, а не социально-политические отношения; личное, а не гражданское; чувства, а не недействия; скорее моральная, чем не правовая регуляция, отличающие российских опрошенных - и особенно девочек - от французов, наиболее соответствует именно пространству семьи и межличностных отношений. В мире, где отсутствуют более или менее надежные медиаторы между произволом власти и человеком в виде институтов права и социальной защиты, такая ориентация помогает выжить, обеспечивая относительную прочность межличностных связей. Однако, можно предположить и обратное: семья в таком случае "заинтересована" в культивировании подобной ориентации в детях. К примеру, если мать знает, что когда она выйдет из трудоспособного возраста, она не сможет, скорее всего, вести сносное и независимое существование, она, вероятно, неосознанно сделает многое в процессе взращивания своих малюток, для того, чтобы воспитать у них "автоматический" ответ переживанием вины и "чувством ответственности" на ее неблагополучие. Причем традиционно больше в этом отношении ожидается от дочери. В мире без социальных и правовых гарантий такая регуляция отношений может быть едва ли не единственной более или менее эффективной "гарантией" того, что ты не останешься в одиночестве, и относительно надежным "страхованием" от ударов судьбы.

Еще о чувствах.

Культурная специфика безусловно доминирует, "перехлестывая" различия по социальному классу или полу; однако можно с определенным допущением сказать, что и сама эта специфика отчасти описывается гендерными профилями. Их явное сближение у французов и относительная дивергенция у россиян - факт сам по себе не представляющий особого интереса, т.к. вполне мог бы быть объяснен большим традиционализмом, "отсталостью", "недоевропейскостью" России. Женский "профиль" очень напоминает специфику "навязанной женственности", женское "ложное я", многократно описанные в феминистской и психоаналитической литературе (тот редкий случай, когда эти два типа дискурса во многом сходятся, по крайней мере, в феноменологическом плане). Что кажется более интересным - это то, где "мужская" и "женская" линии конвергируют. В этом отношении небезынтересно рассмотреть сочетание культурной и гендерной специфики ответов российских и французских школьников на материале эмоционального отно-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

шения к тем или иным правовым понятиям, выраженного в их ассоциациях. Если выбрать из общего списка те слова, которые оказались заметно более эмоционально "заряженными" у русских детей, чем у их французских сверстников, то получится список из двадцати одного слова - при этом лишь одиннадцать слов, т.е. почти в два раза меньше понятий, вызывает у французских детей больший спонтанный эмоциональный отклик.

Таблица

Больше эмоциональных оценок:

у русских	у француз
власть	авторитет
правила	свобода
дисциплина	ответственность
обязанность	солидарность
государство	администрация
мэр	
налоги	
гарантия	социальное обеспечение
страхование	
законы	равенство
суд	справедливость
судья	несправедливое
адвокат	
милиционер	
вина	
преступление	
наказать	
семья	родительские права
принадлежать	
спор	алименты
договор	

Видно, что власть в различных ее ипостасях - законодательная и исполнительная, безличная и персонифицированная, требующая и наказующая в значительно большей мере является предметом эмоционального отношения (как позитивного так и негативного) российских детей, нежели француз. То же относится и к эмоциональным аспектам оценки понятий, выражающих определенный комплекс отношений: семья, спор, договор, принадлежать - как мы пытались уже показать, эти слова для российских опрошенных в значительной мере затрагивают отношения зависимости и автономии, близости и конфликта. В то же время, те понятия, которые вызывают у юных француз больше эмоциональных оценок по сравнению с российскими детьми, явно связаны прежде всего с представлениями о правах человека, и

ценностями "Свободы, Равенства, Братства". При этом тендерные различия в ответах французов прослеживаются весьма слабо - так, мальчики склонны более эмоционально оценивать равенство, ответственность и право, а девочки - солидарность, мальчики чаще оценивают "алименты", а девочки - "социальное обеспечение". У российских же опрошенных можно усмотреть отчетливую гендерную "специализацию" эмоциональных оценок. Мальчики чаще оценивают такие понятия как "власть", "дисциплина", "мэр", "налоги", "суд", "судья", "адвокат", "милиционер" и "принадлежать" (причем можно сразу отметить большой удельный вес негативных оценок практически всех этих понятий и высокую амбивалентность по отношению к ним опрошенных юношей). Девочки же чаще склонны эмоционально реагировать на такие понятия как "семья", "государство", "правила", "обязанность", "наказать", "договор", "гарантия" и "страхование" - причем эти различия связаны в первую очередь с преобладанием у девочек позитивных оценок этих понятий (исключение составляют "государство" и "правила", вызвавшие более двойственное отношение).

Создается впечатление, что "российская специфика" особенно напряженного внимания, с одной стороны, к власти, а с другой - к отношениям, как бы подчеркивается полом опрошенных, в то время как "французская специфика" - концентрации на правах личности в обществе - "пола" не имеет.

Представления о праве и социальная среда.

От социальной группы к представлениям о праве.

По мнению российских социологов, в России стремительно возникает "по-новому" стратифицированное общество (18). Статистические данные и опросы общественного мнения, начиная с 1989 года, фиксировали изменения в индивидуальной и групповой психологии, в ценностных ориентациях индивидов и социальных групп. В них сказались прежде всего последствия политических и экономических катаклизмов. Парадокс тем не менее состоит в том, что "старая" советская стратификация общества - рабочие и крестьяне, служащие и интеллигенция - не только продолжает существовать, но и глубоко детерминирует социальные представления людей. Можно предположить, что в этом состоит одна из главных причин того, почему специфической чертой пост социалистической ментальности оказалась попытка жить при социализме после его падения (19). В то же время исследования последнего времени доказывают, что система ценностей советских людей была укоренена в традиционном менталитете предреволюционного русского общества. Эта точка зрения объединяет как отечественных, так и западных исследователей, занимающихся изучением России: "существует консенсус по поводу того, насколько важна была русская традиция как источник советской модели, но консенсус отсутствует по поводу того, как в деталях осуществлялась эта связь" (20). Именно в этом контексте рассматривается и "ориентированный на группу тип поведения" советских людей - отличительная черта российской "общинной культурной модели" (21).

Опрошенные нами в ходе исследования школьники (их возраст - от 11 до 18 лет), были по существу советскими, по своему происхождению и воспитанию. Они были детьми русско-советской цивилизации, "основанной на

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

принципах жертвенности и порядка" (выражение поэта Иосифа Бродского). Вопрос заключается в том, каким образом это отразилось в их правовых представлениях?

Мы исходили из того, что между культурной моделью, социальными и культурными ресурсами семьи и правовым сознанием молодых людей, принадлежащих этой культуре и этой семье, существует тесная связь. Исследуя, как они воспринимают право и какие представления они имеют о его различных аспектах, мы предполагали обнаружить, по крайней мере, "следы" различного "легитимного видения социального мира" (22).

Исходя из образовательного уровня и профессионального статуса родителей школьников, мы рассматривали три группы французских респондентов: из среды рабочих ("рабочие"), из среды мелкой буржуазии ("средний класс"), из среды профессионалов ("элита"). Несмотря на принципиальные отличия стратификации российского общества мы тем не менее выделили для сравнения тоже три группы российских респондентов из среды рабочих ("рабочие"), из среды служащих ("служащие") и из среды интеллигенции ("интеллигенция").

Структура правовых представлений.

Метод выборочных ассоциаций (в соответствии с которым устанавливается связь между 22 ключевыми словами и 10 понятиями-ценностями) позволил нам представить структуры правовых представлений в форме "ядра" и "периферии".

Во всех трех группах французских и русских респондентов в центре в правового сознания находятся три понятия. Они "следуют" почти непосредственно друг за другом и составляют "ядро" правового сознания. Причем два первых из них оказались ведущими для всех - это закон и ответственность. Разница же между отдельными группами респондентов состоит в следующем: чаще всего упоминают их русские респонденты-выходцы из рабочих (19 и 17 связей соответственно); реже остальных - французские респонденты - их элиты (13 и 11 связей соответственно); среди же французов более всего акцентируют закон (16 связей) представители средней группы.

В целом же у всех русских респондентов акцент на законе выше, чем у французов - при этом наименьший акцент на законе (16 связей) делают респонденты из интеллигенции. Значение закона, в целом, снижается и у французских респондентов из соответствующей группы (с 14 до 16 связей у выходцев из рабочих и в средней группе до 13 связей у выходцев из интеллигенции).

Что касается третьего по значению понятия, составляющего "ядро", то здесь различия становятся более очевидными. Так во Франции каждая из трех групп респондентов имеет собственный приоритет: у выходцев из рабочих - это справедливость (11 связей - их количество падает до 6 и 8 в двух других группах); у выходцев из среднего класса - это авторитет (7 связей - против 4 у выходцев из рабочих и 5 у выходцев из среднего класса); наконец, у выходцев из элиты - это безопасность (9 связей против 5 у выходцев из рабочих и 7 у выходцев из среднего класса).

Что касается русских респондентов, то у всех них на третьем месте стоит понятие "справедливость (15 связей у выходцев из рабочих, по 13 связям в двух остальных группах).

Таким образом, оказывается, что "ядро" правового сознания у русских респондентов одинаково во всех трех группах. У французов можно обнаружить довольно выразительные, на наш взгляд, различия.

Мы замечаем у французов, что более "традиционная" концепция правового сознания (императивный закон - послушание ему - обеспечение справедливости посредством деятельности правовых институтов), наиболее отчетливо выражена респондентами из "рабочих" и отчасти респондентами из среднего класса.

Таким образом, можно выделить два представления, сформировавшиеся в процессе правовой социализации.

Выходцы из рабочих: "закон запрещает и разрешает, регулирует отношения, поддерживает порядок в обществе и человек должен быть ответственным, выполнять свои обязанности, прежде всего родительские и профессиональные".

Выходцы из среднего класса: "закон запрещает и разрешает, регулирует отношения в семье и обществе и сам человек ответственен перед собой и другими за обеспечение этого порядка".

Что касается респондентов из элиты, то для них все более важным свойством права является обеспечиваемая им социальная безопасность. Важно отметить, что представление о социальной безопасности как бы развивается от страты к страте (5 - 7 - 9 связей соответственно), являясь одним из ведущих у представителей привилегированной группы. Содержательно это означает, что французские респонденты все более придают значение системе социальной защиты и поддержки членов общества. С безопасностью респонденты из всех трех групп связывают договор, социальное обеспечение, семейное пособие, милиционера.

Таким образом, оказывается, что французские респонденты чаще воспринимают правовую систему в терминах безопасности, значение которой расширяется, все дальше уходит от своего "простого" смысла обеспечения защиты при нападении и становится одним из ведущих социальных представлений. Здесь важно также отметить и то, что в представлениях представителей всех трех групп французских респондентов одним из синонимов безопасности становится понятие "солидарность".

В представлениях российских респондентов "безопасность", безусловно, включена в правовое сознание, но именно в своем "простом" смысле: респонденты из "рабочих" имеют в виду, в основном, "правила безопасности движения", респонденты средней группы - "охрану порядка" (милиционер и закон), "интеллигенты" подчеркивают связь со всеми тремя понятиями.

Напротив, большинство тех понятий, которые для французов являются символами безопасности (договор, алименты, социальное обеспечение, семейное пособие), они ассоциируют со справедливостью. Можно сказать, что в их представлениях - и особенно это характерно для выходцев из рабочих - справедливость "заменяет" безопасность. Мы видим в этом следы той самой моральной регуляции социальной жизни, которая считается характерной чертой российского правосознания. В то же время идея безопасности, при-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

существующая в ответах французских респондентов, в особенности, в ее связи с солидарностью (взаимопомощь, поддержка обездоленных) - тоже имеет глубоко моральный смысл. Оказывается, таким образом, что через идею социальной безопасности в правовое сознание входит и представление о морально-правовом регулировании, а это в известной степени, сближает русскую и французскую культурные модели. Причем в наибольшей степени, как уже говорилось, это выражено французскими респондентами из элиты.

Что касается "ядра" правовых представлений русских респондентов, то представление о справедливости, имеющее прежде всего моральный смысл, является для них неким универсальным понятием, связывающим сферу государственной (закон, право, институты социальной поддержки) и частной жизни (семья).

Спонтанные ассоциации русских респондентов соответствуют, в основном, трем образам справедливости: 1. Добро, правда, честность; 2. Справедливость как равенство; 3. Воздаяние по заслугам. Первый образ - "торжество правды", "жизнь не по закону, а по совести" - является ведущим во всех трех группах и его поддерживает, практически, равная доля респондентов в каждой из них. Второй образ - "когда все равны" - наименее распространенный, но его поддерживают больше, чем остальные, выходцы из интеллигенции. Наконец, третий образ - "наказание за какое-либо зло или вознаграждение за какое-либо добро" - характерен более, чем для других, для респондентов средней группы.

Таким образом, "ядро" правового сознания русских респондентов из всех трех социальных групп выглядит следующим образом: ЗАКОН представляется разграничителем мира "нормальных людей" и "преступников" ("нельзя нарушать!") - больше акцентируют "рабочие"), обеспечивает "безопасность и порядок" (в большей степени подчеркивают "интеллигенты"). ОТВЕТСТВЕННОСТЬ - моральный закон внутри человека, ограничивающий его свободу, "постоянное чувство", как выразительно заметил один из одиннадцати-классников, долг, обязанность, принятая добровольно или вынужденно. СПРАВЕДЛИВОСТЬ - моральный закон в обществе и в межличностных отношениях, который, по сути дела, является стержнем правового сознания. Имея в виду такую картину "ядра" правовых представлений и выше упомянутые особенности русско-советской культурной модели, правомерно поставить вопрос о "механизме", поддерживающим модель "жертвенности порядка".

Наши данные показали, что можно было бы определить "периферийные" понятия - Вина и Наказание, как соответствующие представлению о послушании или подчинении императивным нормам.

Характерно, что, согласно выборочным ассоциациям, у русских респондентов (из всех трех социальных групп - и более всего у респондентов из семей интеллигенции) наиболее сильными оказываются связи вины и ответственности. Эти связи значительно сильнее, чем у французов, у которых (более всего у респондентов из элиты) сильнее связи вины и справедливости (юстиции).

Это еще раз подтверждает, что мы имеем дело с разными образами - и по сути дела, с разными механизмами регуляции поведения. В выборочных ассоциациях французских респондентов речь идет о вине перед законом (то

есть не о моей вине, а о вине того, кто нарушил закон), в русских ответах - опять о внутреннем переживании вины (моей ответственности за вину). И у тех и у других это наиболее явно выражено в ответах респондентов из семей интеллигенции.

Ведущее у русских респондентов представление о "наказании за плохое" наиболее часто выражается респондентами средней группы ("за плохое поведение", "тот, кто провинился должен быть наказан"). Зато выходцы из интеллигенции чаще других говорят о наказывающих властях и авторитетах и чрезвычайно положительно оценивают саму акцию наказания. При этом представление об "исправляющей" роли наказания укрепляется у них с возрастом ("наказать за плохой поступок" у шестиклассников, "попробовать переделать" - у восьмиклассников, "заставить человека понять свою ошибку, раскаяться", у одиннадцатиклассников). Иными словами, представление о "наказании" у русских респондентов-выходцев из интеллигенции прямо соотносится с характерным для них представлением о вине (как чувстве раскаяния и страдания). В этом - как и в представлениях о вине - респонденты данной группы противоположны французским респондентам из элиты, для которых характерны высказывания типа: наказание - "несправедливость", "бесполезная вещь", свидетельство "нетерпимости". Зато французские респонденты - выходцы из рабочих в этом случае (как и в своих представлениях о вине) ближе к русским респондентам из семей интеллигенции. Они тоже особо подчеркивают, что наказание исходит от власти (таким образом власть "подчиняет себе") и отнюдь не бесполезно ("урок тому, кто следует неверной дорогой").

Можно, таким образом, обнаружить, что социальная легитимность Вины, Наказания (и Раскаяния) - и в конечном счете, представлений о послушании - "возрастает" от страты к страте и ответах русских респондентов, но "снижается" от страты к страте во французских ответах.

В то же время наши результаты показали, что русская идея безграничной свободы как бы взрывает именно русскую концепцию моральной справедливости и "виноватости". В противоположность этому концепция правовой справедливости и критическая отношение к приказу и авторитету, выражаемые французскими респондентами основываются на представлении о "пределах свободы". Эта разница ясно обнаруживается, когда мы сравниваем французские и русские представления о Праве и Свободе.

Образ Права и Свободы в культуре и в социальной группе.

И у французов и у русских Право связывается с возможностью действовать в обществе, но у первых оно в большей степени ассоциируется с идеей социальной безопасности, обеспечиваемой гражданину юстицией, с гарантиями осуществления свободы в рамках закона - причем если рабочие чаще, чем другие, просто называют юридические учреждения, то респонденты из элиты более подробно описывают принцип права, заложенный в этих учреждениях.

Среди русских ответов, для которых в большей степени характерен образ "Я имею право", или "Я могу (делать то-то и то-то)", это представление доминирует прежде всего у респондентов из средней группы, которые выража-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

ют его в два с половиной раза чаще, чем выходцы из рабочих и в шесть раз чаще, чем респонденты из семей интеллигенции. В формулировке, наиболее распространенной у респондентов из средней группы, образ права, сближается с образом неограниченной личной свободы и превосходства над другими ("когда ты можешь делать, что хочешь", "когда человек может делать то, что не могут другие", "способ показать себя", "право - это успех, которым ты можешь пользоваться", "действие человека, наклоненное в его сторону"). В то же время право как бы противопоставляется закону, ответственности и справедливости, выполняющих функцию ограничителей свободы и произвола.

Обращаясь к ответам о Свободе мы наблюдаем, что различие респондентов из разных социальных групп становится еще более очевидным. Число ассоциаций типа "личная свобода" снижается по мере перехода от "рабочих" к другим группам в ответах французских респондентов (с 54% до 29% и 31% соответственно). В противоположность этому число ассоциаций типа "свобода в терминах права" возрастает по мере перехода от "рабочих" к другим группам французских респондентов (от 42% к 50% и 57% соответственно). В частности число ассоциаций типа "пределы свободы" возрастает с 4% у "рабочих" до 17% у "среднего класса" и 24% у "элиты". Число ассоциаций с лозунгом Французской революции ("Свобода - Равенство - Братство") также увеличивается от группы к группе (с 8% до 10% и 17% соответственно).

Оказалось, что русским ответам присуща совершенно иная тенденция. Число ассоциаций типа "личная свобода" возрастает по мере перехода от "рабочих" к другим группам русских респондентов (с 74% до 95% в средней группе и 77% у выходцев из интеллигенции). Число ассоциаций типа "пределы свободы" - вообще в крайне редких для русских ответах - возрастает по мере перехода от выходцев из рабочих (0%) к респондентам из семей интеллигенции (3%) и к представителям средней группы (8%). Для русских респондентов - прежде всего для респондентов из семей интеллигенции - Свобода есть скорее "великая ценность", чем правовой принцип.

У русских явно выделяются три ведущих представления о Свободе, которые задают основную тональность ответов респондентов из всех трех групп:

Первое представление - это освобожденность, полученная возможность "вырваться" ("это как человек, которого выпустили из тюрьмы, и он говорит: "свобода!", "когда выходишь на улицу и думаешь на свободе"). Именно это представление является ведущим во всех трех группах (его высказывает примерно половина респондентов в каждой из них).

Второе представление - "свобода - делаю, что хочу" ("не слушать ничьих приказов", "я независим даже от всех других людей", "мне дозволено все", вплоть до такого состояния, когда "ничего не надо"). Это представление явно преобладает у представителей средней группы и в той или иной форме высказывается 40% респондентов (в двух других группах его высказывают чуть меньше трети респондентов).

Наконец, третье представление связано со свободой как "величайшей ценностью" ("самое лучшее для человечества") - его чаще чем другие высказывают респонденты из семей интеллигенции.

Можно ясно видеть, что во французских ответах представления о Праве тесно связаны с образом "свободы, ограниченной правами других людей". Эти представления "берутся" из культурной модели, которую можно было бы определить как правовую. Наши данные показывают, что респонденты из всех социальных групп имеют общее представление о правовой справедливости и социальной безопасности, в основе которого лежит образ "Свободы - Равенства - Солидарности". В то же время можно различить характерные "лица" социальных групп. Дети рабочих кажутся более "послушными". В их ответах больше позитивных оценок, чем в ответах респондентов из других групп. Они подчеркивают в первую очередь, что закон "приказывает", не упоминают гражданской компетенции судьи, не иронизируют по поводу полицейского. Респонденты из среднего класса также выражают идею послушания, но в противоположность выходцам из рабочих они выделяют представление об автономии в его связи с ответственностью и говорят о праве как разрешении. Напротив, французские респонденты из элиты сохраняют дистанцию по отношению ко всем формам прямого приказа, запрета, наказания и подчеркивают роль права в обеспечении свободы и безопасности членов общества.

Мы обнаруживаем в этих результатах аналогию с "психологическим эффектом социального класса", описанным американским социологом Мелвином Коном в отношении ценности самоконтроля и самостоятельности (self direction). Кон нашёл подтверждение своей гипотезе, что "люди, которые занимают привилегированное положение в классовой структуре своего общества, с большей вероятностью могут развивать в своих детях ценность самостоятельности, интеллектуальную гибкость, способность быть "самоконтролирующими" в своих ориентациях, чем люди, занимающие менее привилегированное положение в классовой структуре" (23).

Мы обнаружили, по меньшей мере частично, иную логику в русских ответах. Респонденты из семей рабочих выделяются своими представлениями о "карающем" законе, "наказующем" суде и полицейском. В то же время респонденты из "рабочих" оказались наиболее свободными в своих негативных оценках Власти и Собственности. Респонденты из "интеллигенции" особенно "репрессивны" в своих представлениях о вине, наказании, также как и в представлениях о Правилах и Семье (последняя есть идеал и полностью выпадает из зоны критики). В то же время они кажутся наиболее идеалистичными в целом, менее критичными в отношении нового социального порядка с его "идеологическими фаворитами" в лице Собственности и Частного. Наконец, если обратиться к образам власти, свободы, ответственности, то представления об ограничениях и подавлении оказываются типичными для респондентов из средней группы. Они кажутся одновременно более послушными и более своевольными.

Таким образом, русские респонденты в каждой из социальных групп "свое" представление о запрещениях, указаниях, моральном долге, наказании, правилах поведения, обязанностях. Но в конечном счете, все эти образы уходят корнями в "русский" комплекс представлений о Власти и Законе, которые связываются не столько с идеей Свободы и Права или гарантиями социальной безопасности, сколько с образом могущественной силы, ограничивающей внешнюю и внутреннюю свободу.

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции

Образ права и образ мира.

Итак, исследования правовой социализации - это, в нашем понимании, исследования индивидуальных представлений о праве в то время, когда они конструируются в детстве и отрочестве. Такие исследования дают комплексный ответ на вопрос о ценности, придаваемой индивидами закону и праву. В нашем исследовании этот вопрос рассматривается применительно к русскому обществу, где создается правовое государство, в сравнении с французским обществом, где правовое государство "задано" как само собой разумеющееся.

Первый ответ ясен: образ права и образ мира конструируются у ребенка и подростка одновременно и являются неразделимыми, так же, как и сама правовая социализация неотделима от общего процесса социализации. Образы закона, образы права регулирующего социальную жизнь, образы индивидуальных прав или юстиции оформляются всегда в тесной связи с личным опытом субъекта.

То, что воспринимает ребенок и подросток - и то, что в нем остается и когда он становится взрослым - является, следовательно, не теоретическим представлением, а образом права, сформированным в конкретных ситуациях в определенные моменты жизни - из информации, полученной прямо или косвенно, в данной среде и в данном обществе, пропитанных специфической культурой этой среды и этого общества.

Правовая социализация, следовательно, является процессом индивидуального освоения не права вообще, а такого права, каким его воспринимает субъект в период детской и подростковой социализации. Его восприятие отражает состояние социальной реальности, но интерпретация, которую субъект ей дает в равной степени зависит от доминирующих социальных представлений, которые сами связаны с его предшествующим опытом.

Интегрирующая часть "определенного способа вообразить реальность" (24) - право и его восприятие - варьируют, таким образом, в разных обществах. Но хотя то, что можно назвать "правом русских" и "правом французов" (25) явно различаются, они, однако, в действительности менее далеки друг от друга, чем это подчеркивается устойчивыми культурными стереотипами. Ответы, полученные в анкетах 1993 года в Москве и Париже, показывают, например, что было бы большим упрощением утверждать, что правовое сознание не существует у русских и что оно заменяется у них моральным сознанием. Ответы также показывают, что рациональность анализа и так называемый правовой дух, которые характеризуют французов, присущи им не в равной степени.

В России индивидуальные представления о законе и судьбе, которые подчеркивают почти исключительно их императивную и репрессивную роль, являются не только отражением социального функционирования этих институтов, но также отражением слитого с ними образа.

Этот образ закона, который хорошо согласуется с концепцией вины и с исправительным значением санкции распространены в доминирующей воспитательной модели (концепция столь сильна, что ее можно обнаружить в представлениях о разводе и алиментах) способствует тому, что в индивидуальных представлениях уменьшается традиционная роль закона как регу-

лятора социальных отношений. Образ закона, который накладывается на представления русских подростков, ограничивается прежде всего негативной сферой или эффектом разубеждения: скорее чем "следовать закону", подросткам кажется важным "не нарушать закон", то есть избегать выходить за пределы "нормального" мира и попадать в область отклоняющегося поведения.

Вместе с тем, представление о собственности как тесно связанной с правом и свободой является новым. Однако еще более, чем представление о правах, основанных на законе, это представление о собственности вписывается в представление о материальных гарантиях, существовавших в Советское время (право на отдых, право защиты здоровья) в противоположность индивидуальным свободам, которые были весьма ограничены.

Что касается понятия свободы, оно, как и право, появляется в индивидуальных представлениях в основном в связи с юридическими понятиями собственности и развода. Но у русских подростков оно соответствует представлениям об абсолютной свободе, свободе без ограничений, какой бы ни была их природа.

Вот то, что на первый взгляд, могло бы поддержать знакомые "культурные" обобщения: отсутствие сознания социального и правового характера свободы у русских, недисциплинированность или даже анархизм русского характера, проявляющийся в образе отказа от всех форм власти, включая законную или правовую власть.

Это было бы однако сильным упрощением проблемы. Реальность состоит в том, что это притязание на свободу не существует само по себе. Признавая сферу автономии и личного решения, понятие свободы, которое развивают русские подростки, создает своего рода легитимную защиту по отношению ко всем властям, границы которых ясно не определены.

В самом деле, представления о власти у русских респондентов часто заставляют видеть носителя власти как неразрывно связанного, "сплавленного" с самим респондентом (субъектом) и требующего эмоционального ответа в форме принятой на себя ответственности. Что касается семьи, то респонденты не критикуют прямо родительские права, но защищаются косвенно, желая с наступлением совершеннолетия освободиться от эмоционально навязанного родительского контроля. В социальном плане их критика более откровенна. В ней содержится недоверие к способности власти уважать границы, очерченные законом и институциональными структурами. Результатом этого является неуверенность в том, что взрослые могут вполне распоряжаться индивидуальными правами и свободами, включающими их участие в социальной и политической жизни.

Недавняя эволюция русского общества и политических структур повлекла за собой критические оценки, которые направлены на функционирование учреждений и неуверенность в нынешнем статусе равенства и солидарности. Раньше взятые под ответственность государства, эти ценности, сохранившиеся в межличностных отношениях, еще не сформировали социальную связь. Кажется, что сегодня эти ценности ищут убежища в семье, а не в социальном сообществе. Главное впечатление состоит в том, что жестко критикуя социальную, правовую и политическую систему, люди обращают к

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;

Образы права в России и Франции

ней имплицитные требования, на которые они хотели бы получить ответ со стороны все той же системы.

Во Франции картина подростковых представлений почти противоположна. Закон здесь рассматривается, скорее, как регулятор социальной жизни, одновременно императивный и факультативный, он представляется "красной нитью", которой надо руководствоваться, рекомендацией или правилом общей игры, способом, упрощающим социальное взаимодействие. Критические оценки закона и политической власти, поскольку они вписаны в контекст стабильности и следовательно, надежности институциональной системы, почти приобретают характер практического упражнения, особенно простого для респондентов из элиты.

Но если культурные доминанты представлений русских двойственны - острое чувство вины, связанное с сильной репрессивностью, которая выдвигает на первый план уголовный аспект закона, притязания на свободу без границ перед лицом безграничной власти - культурные доминанты французских представлений не менее противоречивы. С одной стороны, им свойственен сильный легализм, который сопровождается настоятельной потребностью в безопасности, с другой стороны, постоянная критика власти.

Вина рассматривается здесь как нарушение правил, исходящих от власти, род оспаривания, которое могло бы быть присуще каждому, и любые санкции отвергаются как психологическая ошибка. Но судебный институт вполне принимается в личности судьи, и в его роли вынесения санкций за уголовное преступление, и в его роли разрешения гражданских споров, включая бракоразводные дела.

В отличие от русских, французские подростки адресуют прямую критику семье и правам, которыми наделены родители. Но в то же время семья, символизируя солидарность и безопасность, является центром их эмоциональной включенности.

Наконец, французские подростки ожидают достижения взрослого возраста, статуса автономии, ответственности за себя и признания себя другими. Но этот статус не означает, как и у русских подростков, вступления с того момента, как они выходят из семьи с ее поддержкой и солидарностью, в опасный и неизвестный мир. Для французских подростков речь идет преимущественно о вступлении в сообщество граждан, управляемое равенством и солидарностью, и они понимают право голоса как символ вступления в социальную и политическую жизнь.

Социальная эволюция во Франции, которая обусловила различия в результатах опросов 1993 и 1987 годов, конечно, не сопоставима с теми изменениями, которые происходят в России. Однако во Франции происходит быстрый рост безработицы (связанной с перестройкой предприятий перед лицом конкуренции), не щадящей ни одной социальной группы и вызывающей у населения страх перед будущим и растущее чувство беспомощности.

Эволюция французских представлений о праве в течение этих шести лет показывает влияние социального контекста на правовую социализацию. В системе надежности учреждений, подобной французской, эволюция представлений о правовой и политической системе развивается в двух направлениях: некоторой потери доверия к способности государства обеспечить безо-

пасность индивидам - но и параллельного роста доверия к праву, то есть к стабильным юридическим правилам, обеспечивающим защиту равенства и свободы индивидов. В 1987 году французские подростки интересовались собственностью и договором, как символами безопасности. Сейчас эту роль символов безопасности примеряют на себя трудовой договор и институты социальной защиты.

В то же время наблюдается поучительное явление, касающееся функционирования правовой социализации, во всяком случае во Франции, связанное с развитием правового сознания в отношении понятий, которые находились в центре общественных дискуссий в обществе в период, когда проходило наше исследование. Привлекая внимание людей к определенным проблемам, эти дискуссии делают их более чувствительными к различным аспектам циркулирующей в обществе информации, включая и правовую. В 1993 году это касалось вопросов, относящихся к трудовому договору, жизненно важному для повседневного существования индивидов, вопросов, касающихся равенства прав граждан, когда некоторые из них лишены необходимого и вопросов, относящихся к свободе, отныне воспринимаемой как ограничиваемая свободой других. В 1987 году французские респонденты интересовались все более и более с возрастом правовыми концепциями равенства и свободы, и еще более договором и собственностью, они интересовались особенно актуальными тогда частным сектором, образованием и экономикой.

В 1993 году, как выяснилось, именно русские респонденты больше, чем французские подростки, интересовались частной собственностью и частным сектором предприятий, и давали в этой области ответы, содержащие больше "юридических" определений, чем ответы французских респондентов. Источник их знаний кроется в очевидности того факта, что "собственность" и "частное" сегодня в России являются двумя "звездными" понятиями. Напротив, понятие "договор" у русских юридизировано значительно меньше, чем у французских подростков.

В самом деле, в противоположность собственности, договор еще не стал "модным" в современном российском обществе. Профессиональные отношения, отношения между сдающим в аренду и арендующим и отношения по поводу страхования (примеры договора у французов) пока еще в большинстве случаев в России воспринимаются как административные, а не договорные отношения. Юридический смысл договора отстывает, следовательно, перед более расхожим значением понятия "договор", соответствующим неформальным отношениям обыденной жизни.

Обнаруживают ли доминирующие в русских и французских ответах тенденции существенные вариации, детерминированные полом респондентов и социальной средой, из которой они вышли?

Когда они существуют, эти вариации выражены значительно менее сильно, чем вариации, обусловленные тем, что мы продолжаем называть здесь русской культурной моделью и французской культурной моделью правовой социализации.

Что касается пола, то надо сказать, что можно лишь в слабой степени заметить в русских и французских ответах различие, сделанное Кэрол Гиллиган (26) и касающееся логики суждения, базирующейся на четком разграничении прав партнеров в социальных отношениях, более характерном для

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

мальчиков и логики суждения, базирующейся на ответственности и на желании поддержать отношения между партнерами, каким бы они ни были, более характерной для девочек.

Хотя тендерные различия в ответах более заметны в России, что свидетельствует о социализации, связанной с обучением ролям, весьма дифференцированным в зависимости от пола - русские и французские девочки одновременно и утверждают и отрицают существующие в отношении их стереотипы. Хотя их ответы подтверждают, что они особенно восприимчивы к необходимости следовать правилам и уважать закон, в то же время они демонстрируют менее эмоциональную реакцию по отношению к власти (как это уже отмечалось у француженок в опросе 1987 года), как к семейной, так и к политической, и признают, что власть достаточно ответственна чтобы осуществлять функционирование группы или сообщества. В России девочки еще чаще, чем мальчики, требуют свободы без границ, поставленных другими, и свободы действовать в согласии со своими убеждениями и желаниями. Во Франции это открыто выражается в отношении к семье, где девочки заявляют о своей автономии; они хотят преодолеть границы семейной среды, чтобы быть признанными на социальном уровне.

Русские мальчики отличаются от французов более сильно выраженным критическим отношением к власти и особенно подчеркиванием произвола властей (тенденция, которая была установлена в 1987 году у французских мальчиков (27)) или лицемерного "маскарада" юридической справедливости. Так же как и французские респонденты - мальчики, но еще более резко обвиняя, они подчеркивают уголовный и репрессивный аспекты права и суда. Как и у французских мальчиков в 1987 году, можно без сомнения связать этот феномен, отмеченный у русских, с идентификацией - одновременно позитивной и негативной - с властью, от которой девочки дистанцируются и к которой они приспосабливаются.

Наконец, можно отметить, что в самом общем виде некоторые черты, отличающие русскую культурную модель как она предстает в ответах респондентов, отчасти имеют тендерную специфику. Более напряженное отношение к власти и иерархии характерно для мальчиков, а большее внимание к ценностному и межличностному аспекту правовых понятий - для девочек. Что же касается "стержневых" ценностей французской культурной модели (внимание к гражданским правам, свободе, равенству, солидарности людей в обществе), то представления о них французских подростков не имеют выраженной тендерной специфики.

Более сложная проблема состоит в определении того, каким образом содержание ответов отражает социальную стратификацию в России и во Франции. Можно констатировать, что во Франции вопреки относительно ослаблению после 1987 дифференциации ответов в зависимости от принадлежности к той или иной социальной группе, эти различия оказались теперь, в 1993 году, все же более заметными, чем в России. Впрочем, эта дифференциация, более явная во Франции, не мешает, однако, тому, что представления о правовой системе организуются французскими респондентами из трех социальных групп (рабочие, средняя группа и элита) вокруг общего ядра: центральная роль понятий закона и ответственности находится под влиянием общей идеологической констелляции, сформированной тремя традици-

онными ценностями: свобода - равенство - солидарность. В России общим ядром для респондентов из трех социальных групп являются закон, ответственность и справедливость, которая одновременно воплощает в себе добро, равенство, воздаяние по заслугам.

Критика в отношении системы имеет в России и во Франции разную логику. Во Франции критика, слабая у рабочих, усиливается по мере восхождения по социальной лестнице и именно подросткам из элиты, кажется, легитимным и как бы естественным наиболее явно высказывать критику, оценки и размышления по поводу функционирования учреждений, хотя они более всего чувствуют себя защищенными ими. В России, напротив, наиболее сильную критику с оттенком бунтарства выражают подростки из рабочих семей, в то время как она является более мягкой у подростков из семей интеллигенции. Эти последние демонстрируют большую лояльность по отношению к идее правового государства, но несмотря на это не меньше критикуют идею и реальность власти. Можно, исходя из этого, сформулировать гипотезу, что в каждой из двух стран социальные группы, привыкшие ощущать себя наиболее социально легитимными, более уверены в себе и более открыто критикуют систему.

С этой точки зрения во Франции в период с 1987 по 1993 год ситуация мало изменилась. Напротив, она заметно эволюционировала в России. Рабочие, идеологически привилегированная в Советское время группа, привыкли высказывать свое мнение более свободно и теперь откровенно выражают разочарование в нынешнем функционировании государства, недовольство невыгодными для их жизненных условий последствиями развития частной экономики. Среда интеллигенции, по преимуществу, противоречива в своей поддержке демократизации государства и своем разочаровании по поводу проблем, которые связаны с развитием частной экономики. Что касается средних классов, которые классически ставят акцент на дисциплине и власти (желание видеть верховенство "закона и порядка" регулярно отмечается в ответах по поводу правовой социализации представителей среднего класса во Франции и в Соединенных Штатах), они не в меньшей степени, чем остальные, говорят о свободе без границ и об отсутствии границ власти.

Если рассматривать право как систему правил и учреждений, предназначенную для обеспечения регуляции социальных отношений и безопасности граждан, то встает вопрос о том, как эта цель и это требование удовлетворяются в России и во Франции 1993 года? Перед лицом нынешних экономических трудностей в России, значительно более серьезных чем во Франции, в ответах респондентов вырисовываются две национальные модели отношения к праву. Во Франции первая реакция индивида состоит в том, что он обращается к стабильной системе правил и учреждений, выдвигает требования обеспечения своей безопасности. На следующем этапе ослабление системы толкает к тому, что растет доверие к правилам, защищающим права индивидов, люди начинают настаивать также на том, чтобы поддержать межличностные механизмы солидарности и уважения свободы других. В России, где риск достигает размеров катастрофы на экономическом уровне, индивиды в первое время упрекают систему в ошибках и злоупотреблениях, растет репрессивность в отношении преступности, частично ответственной за отсутствие безопасности. В дальнейшем, находясь под гнетом усиливаю-

М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;***Образы права в России и Франции***

щихся трудностей, они обращаются к семье, которую продолжают считать единственным убежищем, единственным местом реальной солидарности. Однако развитие частного сектора и собственности приобретает все большую ценность и требует все большей энергии. В этой ситуации индивидуальные права и демократические ценности становятся насущной жизненной необходимостью. Дело теперь за политической и юридической системой, в задачу которой входит создание надежных институциональных механизмов и учреждений, обеспечивающих реальное участие людей в социальной и политической жизни и примиряющих рыночную экономику с хотя бы элементарной социальной защитой.

Наконец, что касается роли права в социальной и политической системе, то она лучше всего описывается логикой, названной Кэрл Гиллиган логикой справедливого и беспристрастного разграничения взаимных прав партнеров в социальных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Kourilski C Modele culturel ruisse et evolution de la regulation normative de la famille, Droit et Cultures. 1989. N 18. P.7-39 (сокращенный вариант на русском языке опубликован в журнале "Общественные науки и современность", 1995. № 4).
2. Passeron J., F.de Singly, Differences dans la difference: socialisation de classe et socialisation sexuelle. Revue Francaise de Science Politique, 1984, №1 P.48.
3. Gilligan C. In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, 1982.
4. Kourilsky C. & al. Les 11-17 ans face au droit en France et en Pologne. Une enquete comparative de socialisation juridique// Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest, September 1990.
5. Sondage SOFRES-Le Nouvel Observateur. 7-13 septembre 1995, P.44-45.
6. Notamment Elias N. La civilisation des moeurs. P., 1973.
7. Notamment Bourdieu P., Passeron J.C. La reproduction, elements pour une theorie du systeme d'enseignement. P., 1970.
8. C.Kourilski, Modele culturel ruisse et evolution de la regulation normative de la famille. op. cit.
9. То есть социально-культурных различий, связанных с полом.
10. Milgram S. Obidience to authority. N.Y. 1974. P.63.
11. Выражения в кавычках взяты из анкет.
12. Gilligan C. In a Different Voice. 1982. P.73.
13. Kourilsky C. Legal socialization: the emergence of a research field. P.17.
14. Jean Baker Miller писала о "временном неравенстве" ребенка мужского пола, противопоставляя его "постоянному неравенству" ребенка женского пола, что в первом случае "целью отношений неравенства может быть - хотя бы предположительно-ликвидация неравенства", ("сын" становится "отцом") во втором же случае такая цель не может быть даже поставлена ("дочь" "отцом" - т.е. главой, патриархом - стать не может).

-
15. По данным представительного для Москвы социологического исследования 1993 года, хотя свыше 80% москвичей - независимо от пола - считают, что никак не влияют на управление своим городом и тем более страной, на уровне предприятия и собственного производственного коллектива доля женщин, считающих, что они не могут оказывать никакого влияния на положение дел, весьма значительно превышает таковую у мужчин. (Россияне: столичные жители. М., 1994).
 16. Jaekel M., Arutiunyan M., Bjornberg U. Young Families in Eastern and Western Europe// *Journal of Area Studies*, 1995. №6.
 17. Две главные выборочные ассоциации к слову "свобода" российских детей - это "совершеннолетие" и "развод"; если вспомнить доминирующие спонтанные ассоциации к понятию "быть совершеннолетним" (см. выше), то становится ясно, что в обоих случаях речь идет о свободе от семьи - родительской или супружеской. Занятное дополнение к доминирующим у юных россиян описаниям семьи как "теплого гнезда" и "места, где отдыхаешь душой", а развода как "ужаса" и "горя для всех". Особо парадоксальны русские девочки: по сравнению и с мальчиками, и с девочками - французами и своими соотечественниками - юношами, они наиболее отрицательно относятся к разводу, наиболее положительно - к семье, больше всех ценят свободу и прочно связывают свободу с разводом. Ценность семьи и ценность свободы явно приходят в противоречие, которое вряд ли осознается.
 18. Гордон Л. и др., Шахтеры 92. Социальное сознание рабочей элиты, М., 1993; Радаев В, Шкаратан О. Социальная стратификация, Наука, М., 1995; Радаев В. Революция различинцев - в книге "Куда идет Россия" М., 1994.; Ядов В. Социальные идентификации личности в условиях быстрых социальных перемен. М., 1994.
 19. Левада Ю. Простой советский человек. М., 1993.; Заславская Т. Об изменении критериев социальной стратификации, в книге "Куда идет Россия", М., 1994, Рукавишников В. Социальная динамика и социальная напряженность в обществе переходного периода - в книге Личность и семья в эпоху перемен, М., 1994.; Клямкин И. Историческая незавершенность советского человека, в книге "Этика успеха". М., Тюмень, 1995.
 20. Arnason J. *The Future That Failed*. Poutledge; L.; N.Y., 1993. P.28.
 21. Берто Д., Малышева М. Культурная модель русских народных масс и вынужденный переход к рынку, в книге "Биографический метод". М., 1994. С.127-128.
 22. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов// Вопросы социологии. М., 1992, С. 23.
 23. M. Kohn and all Position in the Class Strukture and Rpsychological Functioning in the United States, Japan and Poland// *American Journal of Sociology*, V. 95. jan. 1990. №4 P. 1004.

***М. АРУТЮНЯН; О. ЗДРАВОМЫСЛОВА; Ш. КУРИЛЬСКИ-ОЖВЭН;
Образы права в России и Франции***

24. Geertz G. Fact and Law in Comparative Perspective, in Local Knowledge, Further Essays in Interpretive Anthropology, N.Y., 1983.
25. Kourilsky-Augeven C, Les individus, le sens de la justice et la loi (France, Pologne, Russie)// Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest, 1994. 25/3 septembre. P.5-14.
26. Gilligan G. In a Different Voice, op. cit., 1982.
27. Kourilsky C. & al., Les 11-17 ans face au droit., Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest, September 1990.